

КРАЙ ГОРОДОВ

Петербургский литературный альманах
2012 №66

Инга Артеева

Инга Александровна Артеева (Погодаева) родилась в Красноярске 9 мая 1977 года. Вскоре семья вернулась в родной Нарьян-Мар. Со школьного возраста в окружной газете «Нярьяна вындер» начали выходить ее стихи. С тех пор счет публикаций идет на десятки: они выходили в газетах «Выбор народа», «Нэрм юн», «Заполярная столица» и окружной газете «Нярьяна вындер».

Завершила Нарьянмарский социально-гуманитарный колледж по специальности режиссер театрализованных представлений и праздников, а впоследствии – Северный государственный медицинский университет.

Была корреспондентом в телерадиокомпании «Заполярье», преподавала игру на гитаре и вокал в ДДТ «Звездочка».

В настоящее время работает редактором отдела культуры и спорта в «Нярьяна Вындер», по совместительству редактирует «Вестник культуры» Ненецкого автономного округа, руководитель литературного объединения «Заполярье». В 2005 году победила в конкурсе поэтов на текст гимна Ненецкого автономного округа, в 2007 – принята в Союз писателей РФ.

Слово о поэзии

Я знаю - поэзии быть!
Вы можете в это не верить,
и где-то, за призрачной дверью,
о чем-то другом говорить.

О том, что пристало искать
какие-то новые формы,
чтоб стало все белое - черным,
чтоб все было сложно понять,

чтоб смысла нельзя распознать,
чтоб были навыверт - все чувства...
Как можно такое - искусством
всерьез, не шутя, называть?

В поэзии - смысл иной,
пускай не такой уж и новый:
звучит вдохновенное слово,
и крылья растут за спиной!
Ведь мир без поэзии - слеп,
наполнен, как ватой - бытом,
а горнее все - позабыто,
и поиск духовный нелеп.

Молчите, пытаюсь понять,
зачем воспеваю стихи я?
А в них - моей жизни стихия,
они позволяют дышать.
Они позволяют мне - жить
и верить в могущество слова,
и я повторяю вам снова,
что знаю - поэзии быть!

Ледоход 2012

Глазурью на прянике крошится лед!
Послушай: весеннее солнце поет!
Прощайся со всем тем, что сердцу не мило,
Сбрось панцирь обид, и прибавится силы,
А злое - пускай ледоход унесет!

Проснись рано утром, и - пой над рекой,
Приветствуй удачу веселой рукой!
Болезни, печали и прочее горе
Исчезнут в бездонном неведомом море,
Где толстые льдины находят покой.

Все лучшее - сбудется! Мало ли как!
Об этом мне утром сказала река,
Ведь если уж льда разлетелись оковы,
То в жизни все будет чудесно и ново,
Смотри! Вместо туч к нам спешат облака!

Пой светлые песни! Настал их черед!
Я знаю, что именно в этот-то год
Все лучшее вдруг постучится к нам в двери.
Откроем! Ведь в это нетрудно поверить,
Когда на Печоре ломается лед!

* * *

Однажды, пусть совсем нескоро,
Престранный сон тебе приснится
О том, что тьма пришла в мой город
И пожелала стать царицей,
И ласков был упавший морок.

Вокруг звучали песни ветра,
Чуть слышные, как листьев шорох.
Тебе подумалось, что где-то
Уже ты видел этот город.
Лишь было в нем побольше света.

Все позабудешь утром снежным
Какие сны! Дела, работа..
Но только бережней, чем прежде
Со мною станешь - от чего ты?
Поняв разлуки неизбежность...

Мое солнце

У каждого живущего - свое солнце.
Голодный видит в нем каравай хлеба,
алчный - золотую монету,
гуляка - ночной фонарь,
меломан - компакт-диск с самой яркой музыкой,
а люди без воображения говорят:
«Солнечный круг».

Не знаю, как это характеризует меня,
но мое солнце -
веселый желтый медведь,
который, как и положено медведю,
уходит поздней осенью в берлогу серых туч.
И спит.
А когда все страдания тяжелой зимы пережиты,
хитрый золотобокий Топтыгин
выглядывает из-под небесных одеял,
улыбается,
взбивает свои снежные подушки,
наполняя мир внизу весенними неумолимыми ветрами.
А покончив с этим,
мой медведь-солнце усаживается на мостик радуги
и, довольный, лакомится золотистыми
медово-карамельными облаками.
Он набирается сил,
чтобы подарить мне
еще одно счастливое лето.

Все прошло

Где мы с тобой еще близки,
Еще не врозь, а - половинки,
Вплетают в утро ручейки
Растаявшие звезды-льдинки.

Там «да» - как музыка звучит,
А «нет» не так неумолимо.
Гитара наша не молчит,
И ты еще не смотришь мимо.

Какие все смели ветра?
Когда пришли те злые ночи,
Где так мучительно «вчера»,
Что «завтра» уж никто не хочет?

О чем же за моим плечом
Наш старый ангел тихо плачет?
О том, что мы еще вдвоем,
Но это ничего не значит.

Никогда не любил

Не была для тебя я загадкой,
Что тревожит, и манит, и мучит,
Не была для тебя самой сладкой,
Не была для тебя самой лучшей.

Никогда не бывала знакома
С бесконечно влюбленным тобою,
Никогда не бывало такого,
Будто в мире нас только лишь двое.

Никогда не бывала любимой,
Самой нежной и самой желанной,
Годы-волны проносятся мимо,
Разбивая надежды о камни.

Впрочем, я не надеюсь на нежность:
Проза жизни - жестокая проза.
Лишь храню лепесток потемневший
От случайно подаренной розы.

Для тебя это - блажь. Как печально
Обжигаться о взгляд твой серьезный!
И смотреть, как тускнеет прощально
Лепесток зацелованной розы.

В новогоднюю ночь ты зажги тихо свечку,
И подумай, дыша на ее огонек:
Далеко разбросало родные сердечки,
Только путь от души до души недалек.

Пусть нечасто дается нам встретиться взглядом,
все же в памяти ясно звучат голоса
Дорогих нам людей. Пусть и нету их рядом -
Неразлучны по крови родные сердца.

Рождество 2012

Рождество Христово... Душа, которая знает намного больше, чем я могу понять, подсказывает, что в этот день все должно быть иначе, чем в любой другой. Движимая ее порывом, я выхожу на такую обычную городскую улицу.

Все, как всегда. Может быть, чуть ярче светят звезды. Или я просто никогда их так пристально не рассматривала? Но, хоть убей, я не могу различить среди них ту, волшебную, которая в свое время прокричала волхвам: «Он здесь!» Мерцают себе, равнодушно и одинаково. А может, дело в том, что

чудесное рождение, произошедшее 2012 лет назад, неповторимо, и Бог больше не зажигает эту самую звездочку на своем небосводе? Тогда все понятно.

Люди бродят в большинстве своем потерянные, невеселые. У них - середина новогодних каникул. Деньги уже потрачены, салаты съедены, спиртное выпито, подарки разобраны. Телевизор надоел, в гости не хочется (да и у кого еще не были-то?), по магазинам - не с чем. Ремонт можно было затеять, так надо было затевать еще до нового года, пока деньги были. Но выбор русского человека между подарками-салатами-спиртным и обоями-шпатлевкой-ламинатом очевиден. Душа-то, она ведь праздника просила!

Хотя - что я говорю! - не душа просила оливье с шампанским, ну, трю. Мы их часто путаем, говоря «душа то-то» или «всей душой», и тут же добавляем несовместимые понятия. Например: как можно «всей душой ненавидеть», если душа - Божье дунновение на горстку безжизненного праха? Поэтому, думаю, душой мы - любим, а вот ненавидим - ну, трю. Все неблагоприятные порывы, которые люди приписывают душе, принадлежат именно ну, трю. Может, я ошибаюсь. Впрочем, вернемся к проходим в рождественский вечер.

После размышлений о душе мое отношение к ним несколько меняется. Может, это не люди хмурые, а все дело - во мне? Может, это моя угрюмость от потраченного даром праздничных дней отражается на лицах встреченных людей? Скорее всего, так и есть. А на то, чтобы разглядеть печать Божьей благодати в глазах прохожих, мне самой не хватает веры и душевной чистоты. Сказано - будьте, как дети. Не мудрствовать, не думать за других, а принимать, и самое главное - любить всех такими, как есть - кажется, это так просто, под силу любому малышу. С какой радостью маленькие готовы отвечать на чью угодно улыбку! А я - систематически обещаю себе хотя бы не осуждать и не обижать крохотную группку людей, живущих со мной рядом, и... всякий раз нарушаю это обещание. Где уж там любить весь мир...

В Рождественский вечер в храме будет многолюдно. Считается почему-то, что не пойти на службу в большой церковный праздник - грех. Может, я и не права, но что-то тут не так. Нет, прийти на богослужение - хорошо, но если это только по праздникам - плохо. Это люди видят то, что кто-то там пришел в храм, Бог смотрит - зачем ты пришел. Можно ходить часто, и поклонов бить демонстративно (слово-то какое! не от «демон» ли?) много, одновременно раздражаясь на тесноту и стоящих рядом, осуждающе жечь глазами смущенных неопитов, которые и свечи-то не туда ставят, и поклоны не вовремя кладут, исподтишка толкаться, нервно потеть, ввинчиваться поближе к голове очереди жаждающих приложиться ко Кресту - вот только душе от этого пользы будет, думаю, немного. По большому счету исполнять церковные обряды не так уж сложно - но этого ли хочет от нас Бог?

А как насчет того, чтобы свидетельствовать о своей вере каждым прожитым днем? Незлобием, любовью, веселым спокойствием, рожденным твердой верой. Ведь без всего этого и молитва - не более, чем звуки, и поклоны - зарядка для спины. Разве громогласным чтением акафистов спасся разбойник? Или за прилежное посещение храма Господь помиловал блудницу?

Секрет духовной жизни с виду, получается прост: Вера в Господа, Любовь к себе и людям и Надежда на спасение. Отчего уже на первой ступени я оступаю, и не хватаю Веры понять: я - его любимое дитя, а раз так - то кто против меня? А раз так - то во мне столько Любви, что ее хватит всем, а с позиции спокойной силы, доступной старшим братьям и сестрам в больших хороших семьях - разве сложно не осуждать, а поддерживать и жалеть? Так и открываются Врата ко спасению. Но этому всему одно препятствие - хватало бы Веры...

С такими мыслями я гуляю по родному городу в Рождество Христово 2012 года и в который раз обещаю Господу и себе учиться твердой верой, милосердием и любовью. Если не сдержу обещания, Он, в который раз, простит. А я?..

Бог знает каждого в лицо и по имени

Безумие за отступничество от веры - такое наказание Господь дает иногда Своим избранным. Недаром в Священном писании сказано: кому много дано, с того и спросится много.

На Степана Носова возлагали большие надежды, когда он был мальчишкой. И все они были связаны с будущим духовным званием и служением Богу. Его мама, Матрена Михайловна, и сама была грамотна, и сына научила. Однако в школу тот никогда не ходил, а учился читать и писать по старинным книгам, в которых были тексты Священного писания и жития святых.

Воспитывался парень в старообрядческом ските. Женился, как и все тогда, рано. К службам в церкви со временем охладел, как сейчас бы сказали: «быт заел». Но это не совсем точно, ведь мы живем не только в материальном, но и в духовном мире. Просто очень уж велика была охота у бесов над избранником божьим поглумиться, и одержать этим самым хоть временную, но победу.

Да и время было такое: советчина, коллективизация. Повсеместно насаждался атеизм.

Превратился Степан из верующего человека в проповедника атеизма. Выписал журнал «Безбожник», читал и обсуждал вместе с соседями. Когда пришло время поплатиться за грех отступничества, и Степана, как психического больного заперли в барак на лесозаводе, где тогда содержали безумных, в первом же видении показали ему этот журнал. Он пишет:

- ...Поместили в маленькую комнату, дверь закрыли на замок. Едва успел затихнуть лязг железа и завхоз отошел от двери, вдруг на дверях показалось изображение журнала «Безбожник»...

И увидел Степан, как по двери прыгает огненный шарик, и невидимая сила заставила его этот шар гасить, твердя на ухо неотступно: «Угаси шарик своим языком: он разжег, он же должен угасить». Помимо воли открыл бедняга рот, лизнул шарик, да и потерял сознание. Очнувшись на холодном полу, язык болел, как опшаренный кипятком, вокруг бегали мыши и крысы.

Видения, описанные Степаном Носовым через двенадцать лет после исцеления, кому-то могут показаться обычными галлюцинациями психически больного человека или просто выдумками. Но все, кто знал его при жизни, в один голос утверждают - никогда неправды от него не слышали. Его дочь, Роза Степановна Носова, вспоминает, что детей отец воспитывал в строгости, но никогда не кричал, приучал к правдивости, ответственности за свои поступки только своим собственным примером. Трудолюбивый и целеустремленный, он пользовался авторитетом везде, куда бы не забрасывала судьба. Об этом пишет в своих воспоминаниях еще одна дочка Степана Афиногеновича, Устинья Степановна:

- Люди всегда приходили к нему за советом. Он никому не отказывал. Писал заметки в окружную газету «Нярьяна Вындер» о колхозной жизни.

В Отечественную войну отец сражался под Ленинградом, был контужен, выздоровел, и снова был на фронте... Награжден двумя медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». В 1946 году наша семья переехала в Нарьян-Мар. Отец стал работать бухгалтером в кинофикации... В 1956 году отец тяжело заболел (нервной болезнью).

Никто толком вначале не понял, что за беда приключилась с уважаемым человеком. Откуда взялась невиданная ранее сила, и на что он смотрит с таким ужасом и отчаянием, не замечая ничего вокруг. Обо всем этом дочь Роза пыталась у него узнать, когда отец выписался из больницы, но тогда он сказал ей: «Не знаю, Божье это или дьявольское... Пока ничего не могу рассказать». Долгое время он считал произошедшее с ним бесовской прелестью. Но показанное ему в тех видениях сбывалось. И только через двенадцать лет Степан Афиногенович описал, что происходило с ним, когда однажды ночью он проснулся, как от чьего-то прикосновения:

- ...Повернул голову налево, в сторону, где изголовье койки, и вижу: стоит ростом до потолка (2,5 метра) человеческий скелет, что похоже на Смерть, изображаемую на рисунках художников и в старых лицевых книгах. Покрыта она была белым покрывалом, которое называется саван. Стараюсь разглядеть страшное зрелище, уверяюсь во всем, что не сон ли есть: нет, это действительность без сомнения, и свет проникает именно от стоящего скелета-Смерти. И вижу: Смерть медленно раздвинула сухие кости своих щек и едва слышно, как из могилы, полупшепотом сказала: «Готов ли?»... (здесь и далее отрывки из книги С.А.Носова «Видения, письма, записки»-И.А.)

Так началась болезнь. Вначале Степан не понял, что это за видение явилось ему на пятьдесят третьем году жизни. Но в одну из мучительных ночей болезни он почувствовал, что руки и ноги коченеют, и вот он уже не может пошевелиться, а значит - сочтены его дни на Земле. Вот и ответ на вопрос Смерти - не готов... Понял Степан: не так он прожил жизнь, как дано было Богом:

- И особенно горестно стало умирать без бороды, чем нарушил образ Божий: застал, думаю, конец жизни меня во всех грехах не только в тайных и неведомых, но и с поличными, протекали десятки лет без исповедания, и многое другое вспомнилось грехопадение. Одним словом, осознал себя, что подготовил адскому огню, да и только. Как буду терпеть бесконечное горение, когда не выдержал испытания при лизании огнено раскаленного шарика, упал без чувствия, и боль языка во рту, как ошпаренный... Вскрылась передо мной всякая неподготовленность к смертной встрече, льются слезы из очей без перерыва, сознаю, что наступили последние минуты моей жизни. И как последний раз и навсегда ложусь на невыносимо холодный голый пол, стараюсь непрерывно сотворять молитву Иисусову - восемь положенных слов...

И когда сложил наш герой пальцы для крестного знамения, непереносимый холод стал отступать: рука стала теплой. Сделал он то же и с левой рукой: пальцы так же согрелись. Тогда Степан стал молиться со слезами молитвой Иисусовой, и потерял счет времени. И Господь откликнулся:

- ... И слышу, говорит внятно, мягко слова: «Грехи заглаживают покаянием и добрыми делами, Дух же Божий о каждом верном промышляет, слышит его всегда и разумеет, как у человека язык чует касание волоса». Слыша сие, я тайно, в темноте коснулся волосом своим языка. И мне с высоты говорит уже и знает о сем и как бы поправляет меня: «Вот, вы слышите на своем языке ваш волос. Так же Дух Святой слышит и знает вас»...

Видения, муки за грехи, покаяние и непрерывные молитвы длились сорок дней. Многие из того, что увидел Степан Афиногенович в эти дни в видениях, сбилось до последней мелочи через несколько лет. Выйдя из больницы, он пошел работать плотником, но ровно через сорок дней вернулась боль. Он пошел к доктору, но тот никакой болезни не нашел, а посоветовал лечиться дома в бане. Из бани вытащили полумертвого. Никакие другие лечения тоже не помогали, пока не понял Степан самого главного:

- ...Потрясение, как видно, дано изволением Божиим и как последнее испытание грешнику: 30 лет с годиком блуждал я делами и мыслями, не зная предела ограничения, и мысли были продолжать жить в подобных делах до 60 лет, а тогда искать правду Царствия Божия. Совершенно забыл о том, что буду ли жить завтрашний день. Вот, очевидно, поэтому-то Бог, не хотя смерти грешником, остановил мое греховное направление, послал видение Смерти с вопросом: «Готов ли?», и затем, через три дня как бы подтвердило слова пророка: Смерть грешником люта...

И когда понял это Степан Афиногенович, решил уйти от греховной жизни. Вернувшись домой, сжег светские греховные журналы и книги, стал собирать созданные им раньше списки из старинных церковных книг. Где их найти по прошествии стольких лет, было показано ему в видениях. Удивительно, но все совпадало в точности: приходя в указанное место, он находил там свои рукописные книги с церковными текстами. Все, что написано им было мирского, Степан Афиногенович уничтожил. Вот как об этом пишет его дочь Устинья:

- ...До болезни у него было восемь исписанных мелким почерком толстых тетрадей. Там было все: разные предания старины, наша родословная, возникновение некоторых селений, о знатных людях... Помню, хорошо была описана поездка отца в Москву на ВДНХ, в августе 1939 года. Он был послан от имени колхоза «Северная звезда» Нижнепечорского района как передовик колхоза. К сожалению, во время болезни отец сжег все это «богатство» как «безбожные деяния».

После покаяния Степан Афиногенович прожил еще двадцать шесть лет, и умер только в 1981 году. Все подаренные ему Господом годы он уже не отступал от веры, выписывал старообрядческие журналы, переписывал особенно редкие старообрядческие книги.

Дочери вспоминают, что в последние годы к нему часто приезжали исследователи старины из Санкт-Петербурга и Москвы. Его письма, записки, рукописи хранятся в музейных хранилищах Москвы, Сыктывкара. Немало материалов есть и в Ненецком окружном краеведческом музее.

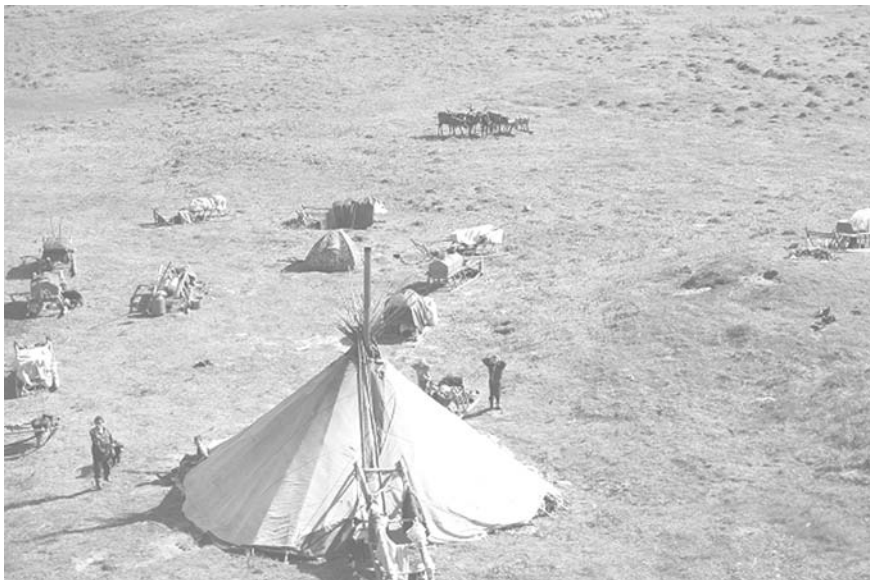
Но помимо культурной ценности, у всего, что оставил нам в наследие Степан Афиногенович Носов, есть несомненная высшая духовная ценность. Каждого из нас Бог не раз предостерегает на жизненном пути, но не всем дано понять эти знаки. И когда мы узнаем о нелегких духовных путях наших современников, у нас вновь есть возможность задуматься и есть шанс изменить свою жизнь, наполнив ее добром и светом Божьего присутствия.

Жизнь и смерть на тундровых просторах

В конце лета в одном из сел округа произошло событие, которое в наше глухое к ценности человеческой жизни время стало заурядным, а в криминальных сводках озвучено примерно как «пьяная драка с летальным исходом». Таких драк в последние годы происходит столько, что их стали считать не просто чем-то само собой разумеющимся, а едва ли не образом жизни коренного народа.

Многие, узнав о случившемся, подумали: туда и дорога, что взять с оленевода! Возник безобразный стереотип: ненец, да еще и сельский или тундровый – значит, пьет, малообразован, ни к чему не стремится и от жизни ничего не хочет. Почему так-то? До каких пор мы будем грести всех под одну гребенку, и присваивать порокам национальность? Что это за право судить, основанное на разрезе глаз и месте регистрации?

Григорию Бармичу, который умер в реанимации окружной больницы после побоища, не было еще и тридцати лет. После окончания школы-интерната он работал в тундре оленеводом. Пригнав своих оленшков к месту выпаса, он

доставал ручку и тетрадь и доверял бумаге свои мечты, стремления и мысли обо всем, что его окружает:

«Фундаментальная основа и смысл жизни - олени. Что мы без них? Олени дают нам смысл жизни, радость. Хорошо, что я родился в тундре, веду кочевой образ жизни. Но необходимость учиться, правда, не знаю пока, на кого, отдадут от своей земли. Одиночество и тоска среди города...»

Когда смотрю на маму, папу, Василия, Ольгу, Елисея, появляется жалость. В своих мыслях говорю так: «Как хочется вам всем помочь, отдал бы все на свете, чтобы вы были счастливы и, как всегда, рады за меня, что есть я. А мне ничего не нужно, а лишь одно, самое драгоценное, дорогостоящее, на это ничего не променять – это моя драгоценная семья...»

Не по себе становится, когда читаешь эти строки, написанные рукой человека, которого сегодня нет, и чья жизнь оборвалась так рано и глупо. Еще страшнее представить, сколько таких ребят и девушек – незаурядных, талантливых, просто пропадает в заполярных северных селах, не имея возможности воплотить в жизнь свои мечты и надежды.

Прежние времена принято ругать, а ведь всего пару-тройку десятков лет назад такого, как Гриша, наверняка бы заметили, выделили, дали дорогу в жизнь. Было такое понятие «национальный кадр», о самородках из глубинки заботились. Многие из сегодняшних ненецких общественных деятелей, что называется, «в годах», получили в свое образование именно благодаря национальности. В их силах сделать что-то для того, чтобы сегодня ненцам была возвращена хотя бы часть тех благ, что они когда-то получали на своей земле, но, видимо, нет особенного желания. Ассоциация, существующая для того, чтобы защищать права своего народа, давно уже занята чем-то другим, и до «простых смертных» ее членам дела нет. Это в Арабских эмиратах абориген – хозяин своей земли, а на уровне нашего государства национальный вопрос стал уже чем-то необсуждаемым, стерли соответствующую графу в новых паспортах, и все разговоры о национальном самосознании сводятся к экстремизму, который надо жечь каленым железом. И в то же время продолжаем нелогично «булькать» себе под нос о какой-то самобытности, о сохранении традиций. Да кто их будет сохранять?! Уж не те ли псевдонен-

цы, которые за тридцать нефтяных серебрянников и капелюшку власти согласны на полное разграбление своего края пришлыми людьми? Ничья судьба, кроме своей собственной, их не волнует, а вряд ли когда в их некогда ученые головы придут мысли, которыми Григорий делился с северным ветром, тревожась о судьбе родных просторов:

«Обычно в середине осени проводят военные учения. И от реки Губистой до Голубницы можно найти осколки от ракет, а также ступени. Ямдая в осеннюю пору по замерзшим озерам и ереям, я услышал странный приглушенный звук. Поначалу подумал, что это полозья от саней трутся об лед. Но звук становился все громче. Я повернул голову и увидел большую баллистическую ракету. Потом оказалось, ее видели оленеводы двух бригад.

Я уж подумал, что началась третья мировая война, и выпустили ядерную бомбу. Ямдавшие впереди видели, как она приняла вертикальное положение и взмыла в небо. А куда упала?! Мы было подумали, главное, что она нас не задела, но худшее было впереди. Когда я узнал характеристику ракеты, был весьма шокирован, на каком топливе она работает. К упавшей ракете вовсе нельзя подходить... Конечно, я не слышал случаев, чтобы оленевод подходил к только что упавшей ракете. Да и раньше нас всегда эвакуировали из зоны падения ракеты на время учений.

В жизни можно ко всему привыкнуть, и возможно, кто-нибудь волнуется и переживает, а кому-то все равно, что происходит. Совершенное действие никак нельзя изменить и нельзя вернуть время, которое прошло. Но надо думать о будущем...»

Слово «будущее» молодой парень здесь употребляет в широком смысле слова, но и своей собственной судьбе он задумывался не в пример серьезней своих сверстников, рожденных, в отличие от него, на «большой» земле. В его бесхитростной душе постоянно шла борьба между любовью к родной земле, своей семье и необходимостью оторваться от них, чтобы получить образование, пристроиться в жизни. Разве мог он знать, каким коротким и страшным будет его будущее?..

«Отучился лишь 11 классов. Продолжить учебу не получилось из-за социальных проблем. Семья наша не очень богато живет. Деньги почти все ходят на еду, редко покупаем вещи, денег не хватает.

Какой я? Склонен почти к меланхолии. Пожалуй, странный, и даже загадочный. И нрав разный бывает, как у хамелеона. Себя трудно описать, какой я на самом деле. Люблю много читать. В жизни много чего повидал интересного. В семье отличаюсь от всех.

Рад, что живу в тундре. В глубине души чувствую полную свободу. Тундра и просторы – это все свобода и свобода. И еще раз свобода. Тяжко одному было в городе. Ночами думал лишь только о доме и о семье, спрашивая себя: как там они живут?»

Все его простые строки дышали любовью к своей земле, семье и к землякам. Способность легко прощать друг друга, дружелюбие – эти качества всегда ставились на первое место в непростой тундровой жизни, так было испокон веков. Пока не пришли люди, решившие разрушить вековые уклады и навязать свой, «культурный» образ жизни. В результате люди и по новому жить толком не научились, и по старому кочевать по родным землям, выращивая тысячные поголовья оленей, теперь не умеют. У народа отняли его исконную самобытность, которую теперь пытаются вернуть на каком-то «сувенирно-туристском» уровне. Как будто задача целого народа заключалась в том, чтобы подороже «загнать» пимы да бубен да обслужить-развлечь пузанов с кошельками, показывая «настоящие» условия кочевой

жизни. Совсем о другой тундре рассказывал Григорий в своих пропахших дымом тундровой «буржуйки» дневниках, да вот только кто их теперь прочтет?

«Для оленевода сложные условия жизни - это обычный быт, который вошел в привычку с далеких времен. Можно сказать, навыки самовывживания заложены в крови и передаются современным жителям тундры от далеких предков.

Некоторые думают, что мы испытываем дискомфорт в общении, живя небольшим составом. Бывает и так, но это можно сравнить с отношениями в семье. За прожитое в тундре время узнаешь, у кого какие привычки и характер. Наверное, мы ничем от других не отличаемся, только простотой и скрытой странностью для горожан.

Вся наша жизнь и работа протекает под открытым небом. Бывает, олени могут довести дежурного пастуха до нервного срыва своим нравом. После у вахтенного из уст вылетает много «волшебных» слов. А кто их слышит среди безмолвной тундры? Только олени внимательно слушают пастуха, который ругается на них. Забавно!

В каждой оленеводческой бригаде отношение друг к другу разное, но объединяет нас одно: кочевой образ жизни и олени, без которых мы - никуда! Если их у нас отнять, то весь наш обычный уклад жизни теряет всякий смысл.

А еще нас всех объединяет наша главная черта - дружелюбие, и, конечно, простота. Мимо своих мы на оленьей упряжке не проезжаем, обязательно останемся, поговорим между собой, делимся впечатлениями о погоде и многом другом. И в помощи друг другу никогда не отказываем!»

Владислав Ильдарханов

Дед Хасан

Когда человек проходит, проезжает мимо кладбища и видит могилы, он мало, возможно и вовсе не задумывается в зависимости от возраста его, что ждет его? Он живет, а их нет. Да и вообще никого не коснется из них смерть, как будто вечно жить будут на земле они; а теперь он здесь. Где он, и что с ним?

В. А. Ильдарханов

1

Городская суета как изначально уже тогда, когда я начал что-то понимать от рождения своего, останавливая свой взгляд, предоставлен самому себе на то, отчего я даже сейчас удивляюсь вспоминать, что это тогда уже, как и сейчас, волновало меня: как старые люди печальны, сварливы, угрюмы и редко счастливы, светлые, жизнь каждый миг любящие и, кажется, некоторые из них нас жалеющие как немудящих, делающие и повторяющие одно и то же, как и они, когда-то в эти годы. Многие, как видимо, оставались таковыми и не имели представления иного о жизни; что-то упустили, где не так сделали, и все это без духовного, даже стариками, нет духовного в них; только тело состарилось, а все мысли, убеждения, чувства оставались таковыми и, имели мира сего, как и тогда и сейчас представление и убеждение, что мир окружающий их должен быть именно таковым, и иным он не может быть. И кто-то скажет жаль - а что это жаль? То же самое что и жалит, жалостью своей их, и что, какая это жалость? У всех она разная; совершенно раз-

образные виды жалости у людей, у одних это вид жалости и, других это жалость вызывает омерзение, аморальное действие против старости, которые заявляют - что им мучиться, сделать укол и других не мучить, не от того что это болезнь мучает их так сильно а даже и потому - что за смысл жить дальше. Другие строят им, фантазируя, различные учреждения, где за ними смотрят, их там любят, ценят; мы все только ублажаем себя собственными своими мыслями: какие мы, как бы мы для них все устроили. Мы сами того не замечаем, что становимся таковыми, и что о нас так же думать будут - но мы не такие, мы особенные; даже здесь есть свое социальное положение - молодой - богатый, старый - нищий. Что может молодой? Молодым можно быть до пятидесяти лет пока есть здоровье, и что может старый; многое молодой и ничего старый?

Люди теряют духовное свое начало, отдаваясь полностью миру материальному; мера, мерой мира материального, так же и жизнь духовную; заменяя истинные догматы догматами вымышленными, полностью соответствующие времени - прогрессу. Такое чувство, что все готовы говорить немоющему от болезни или старости человеку: а кто тебя жить заставлял, а раз сам желание изъявил жить, так живи сам и другим ни мешай. Что-то мрачное, скажут те, кто снова включил свою фантазию, строя для них комфортные учреждения. От этих наших совершенных фантазий мы придумываем себе так же и духовное, извращая истинную жизнь духовную, понятиями мира материального. Не на старость нужно себя обеспечивать, а относиться к пожилым людям так, как человек не старый хотел бы, чтоб к нему относились так в старости. Старость - это только вид мудрости, но в мире, где все так бешено, они немощны. Можно видеть чудо, как старость от помощи, глаза их расцветают в молодость, и мудрость делится, которая называется радостью. Старость - это я, ибо юность и зрелость неизбежны, как и сама старость. Город на меня влиял негативно, можно мягче, мало комфортно удовлетворил мою жизнь. Комфорта именно мне не хватало в человеческом, в понятии отношения доброго - взгляда человека, мы все так и думаем, по крайней мере, многие. А что мы сами для этого делаем? Идем и ждем, кто бы нам улыбнулся, и мы бы в ответ на эти улыбки взаимно ответили бы им так же. И никто, совершенно, ни я; все совершенно в другом и полностью, отданы во власть - суждения, осуждения.

2

Как и было мною уже сказано, родился я именно здесь, в городе, учился, дружил, любил среди этих жилых массивов и старинных красивых зданий, парков, улиц, крыши своего дома, на которой всегда любил провожать солнце, и так надолго оставался здесь, что рассвет встретить мне удавалось очень редко, я просыпался поздно, когда солнце раньше меня вставало. Улицы очень люблю, только старые, в вечера зимние и воскресные, когда на них так же спокойно, малоллюдно, как вечером. Эти старые улицы, старые ветхие высокие деревянные дома. На деревьях белыми облаками смотрят, богоугодные чувства зимы. Снег рыхл, но, ступая по нему, он подталкивает нежно ступни ног моих. Когда вступаешь на такую улицу, то чувство в душе своей ты можешь сравнить, когдаходишь (при входе) в храм Божий. На душе светло и миролюбиво, в это время ты любишь всех. Старые, милые окна домов смотрят как исцеляющие иконы в храме Бога, так и хочется окантоваться возле каждого и попросить мира, тепла, уюта для человечества. И идти дальше, проходя мимо нерукотворной тишины, с чувством греха молить Бога, чтоб не дал свернуть с этого пути, идти бесконечно, по этой Богом хоженной упитательной улице. Слышно, как где-то завывает ветер, к которому прислушиваешься через свою душу, он только так может быть понятен тебе, как сразу же хор неба и земли наполняет тебя и, чудное это песнопение разда-

ется повсюду и, те, кто улыбаются таинственно при встрече, кажется, слышат так же всё это.

Родители мои не так давно покинули навсегда меня, они именно так прожили всю жизнь свою, любили и ушли с разницей полгода, какой удар это был для меня, говорить не буду, нет, это не то, что бы было вспоминать больно мне, просто думаю, что это сугубо лично моё – святое.

3

Наступало лето, и сезон отпусков был близок. Все мои знакомые, в том числе и я, искали возможности провести время отпуска на море, или же за границей, где так все по-другому и не похоже на нашу Россию. Я лично тоже до недавнего времени поступал так же и думал глупо, что это престижно, но после этих поездок и возвращения своего обратно домой я видел, как только то и было, что только разговоров: кто и где провел свой отпуск, и какой он молодец, чем дальше, тем дороже, и сколько звезд отель, в котором он пребывал во время своего отдыха. Говоря так, человек следит за окружающими себя людьми, за реакцией людей, результат которой должен выражать зависть, за выражением лиц их; там, где это не стоит, он говорить не станет. (Влияние идет от воздействия мира материального – у кого есть возможность, те, у кого она также есть, но малокомфортна с теми, у кого есть она, в основном с понятием таким, как жизнь одна у человека, тянутся, перенапрягая свои возможности после удовлетворения лишениями благ мира материального. Потому как цели и желания настоящие человека несовместимы с теми лишениями).

После очередного такого своего отпуска я почувствовал, что сил потерял еще больше, чем до отъезда моего за границу, их даже было до, немного больше. Решение этого сезона было сделано мною еще зимою, что поеду по нашему региону и буду присматривать себе место для строительства дома или же, что было для души моей больше угодно; дом мне хотелось приобрести старый, где уже жили люди, но в понятии старый, пригодным совершенно для жизни. Да, это деревня и, это то, что еще с детства влекло меня сильно.

4

Время моего отпуска выпало мне на середину июля и до августа пятнадцатого, за это время и решил осуществить то, что давно должен был осуществить и претворить в жизнь раньше. Место, которое мне хотелось найти, должно быть с речкой и, естественно, рядом с лесом, не нарушаемые стандарты, которые я определил еще из своей мечты детства, оставались в силе и не имели обратной силы.

К моему удивлению, это место было отыскано быстро, я отъехал от города всего сто тридцать четыре километра, да, согласен, что для многих это покажется далеко, но именно так и представлял себе это расстояние от города, до моего истинно отдыха, а удивление было, что нашел мечту свою, и потому радость была моя из того самого детства, чувство, которое еще во мне было ярко, живо. Я христианин и поэтому мне хотелось найти деревню с церковью, лучше с церквущкой, маленькой, деревянной, с старым священником, у которого можно было бы коротать вечера в маленьком уютном его доме и вести беседы о вечной жизни и стараться, конечно, исполнить все это на деле, после нашего временного пребывания на земле, смерти. Да, эта деревня мною была найдена, но здесь не было речки, леса, и проходила с деревней рядом дорога; но есть красивая белая церковь с голубыми куполами, и батюшка, старый, от которого исходит запах ладана, тепло от слов и улыбки. Притягивало совершенно ходить к такому батюшке на службу; не знаю, может, это предрассудок, но я, как кажется мне, если чувствую духов-

ное тепло от священника или монаха, мне от одного его присутствия становится на душе легче, а когда с ним заговоришь, и после благословения его пойдешь туда, где снова иная жизнь, труд его молитвы, которой он молит Господа с Его благословением в душе моей с миром, отдашь бездарно, то это можно сравнить как после Таинства Причащения.

5

Его звали отец Евгений. Выслушав меня и мое желание найти такое место, он посоветовал мне проехать дальше, в другую деревню; эта была татарская деревня. Поблагодарив отца Евгения и взяв у него благословение, я отправился в это место, в напутствие мне батюшка сказал, что там живут добрые неиспорченные цивилизацией люди. Он попросил, что если мне будет не трудно зайти и передать деньги деду Хасану, который боронил ему землю под картофель, но отказался от денег и уехал, когда отец Евгений пошел за деньгами, чтоб заплатить деду Хасану. Деньги мне не хотелось брать, предложить свои, а эти оставить на нужды храма я не решился, почувствовав, что этим огорчу батюшку. Взяв деньги, поехал дальше, обещая ему приехать на праздник – «Явление иконы Божией Матери во граде Казани», тем более, что праздник этот престольный – храм отца Евгения в честь Казанской Божией Матери.

По спидометру автомобиля я решил замерить расстояние между деревнями, чтоб потом, если это будет не так далеко, знать, сколько идти или же пробежаться до деревни, а точнее, на Литургию в церковь. Расстояние это было семь километров. Деревня была в низине, а с другой стороны было ровное и не имеющее конца поле и, если было мне ехать с противоположной стороны деревни, то путь мой был бы вознагражден этой деревней, которая была что-то вроде оазиса среди бескрайнего поля, морщинистого с не глубокими оврагами, заросшими кустарником и травами. Действительно, справа стоял лес смешанный: сосны, березы, липы, как мне и представлялось всегда; а вдоль деревни и за деревню уходила в даль речка, она отражала солнце тонкой линией и, как будто сговорившись с солнцем, слепило, и не видно, как далеко речка уходит в поле, и все это на синем фоне, с белыми облаками. Мне показалось, что это место единственное в мире, где еще не вступала нога человека, неизвестного жителям деревни, они не поймут, если я начну говорить, как там живут люди, не поймут и не поверят, что там где-то действительно так они живут. Там без меры, здесь в меру, там искусственное, здесь природное – от Сотворения, здесь теряет власть свою логика, мышление, царствует здесь – Творение, здесь трудился не дар Божий, здесь трудился Сам Бог; для меня дар Божий – это тот дар, который оберегает труд Божий, хранит Его труд; здесь нет границ для добра, здесь зла никогда нет, с этого места, где я стоял, было можно смотреть на это чудо завороженно.

6

Домов здесь что-то около двадцати двух или трех, возможно было и больше, но не намного того, сколько сосчитал их примерно; солнце ярко, земля зеркальна. Три улочки, это уже после я узнал здесь там, потому как сверху казалось, что их нет вовсе, дома были так разбросаны, что не имело даже малейшего присутствия понятия улиц. Въехал в пределы деревни, я задумался, где можно было бы мне остановиться и, вспомнив, что нужно отдать деньги, переданные отцом Евгением деду Хасану, поехал медленно, поворачивая голову влево, вправо, желая, встретить кого-нибудь и спросить, где живет он. Заборы были все живым забором здесь; вишневые, малиновые, смородиновые и при желании невозможно увидеть кого-либо за ними, если даже там и был кто-то. Решил остановиться, зайти и спросить где живет дед Хасан. И вижу, идет навстречу мальчик. Что мне больше всего стало интересно в

нем, это все в нем; лицо его было исполнено того, как мне кажется чувства, что он находился в нереальности мира сего, потому его взгляд не касался даже присутствия моего, по дороге, по которой направлялся он. Он был весь в себе и от себя, он здесь, может быть, даже и не на земле. Он как будто общался с миром другим, и этот мир рядом с ним, вокруг него не видимо мне. Даже не хотелось сначала его останавливать, я боялся нарушить жизнь в нем, что так сильно занимало его. Но когда он сравнялся с машиной моей, он вдруг как-то даже отпрыгнул от неё, не успев ничего сказать ему, наверное, и я сам стал частью мира здесь и только после быстрой реакции, как только он заметил меня, очнулся сам. – Здравствуй, ты ведь здесь живешь? Глупо, как мне кажется, спросил, он стал боком проходить мимо меня, тогда решил сразу спросить, кого ищешь.

– Деда Хасана знаешь, где живет он?

Мальчик приободрился, это было видно по нему, дед Хасан как будто был паролем здесь, и вид его лица принял совсем иной взгляд, как на своего он посмотрел на меня, как будто долго я отсутствовал здесь, и он лишь просто не узнал, со временем изменилось лицо мое, а сейчас вспомнил и даже рад мне.

– Дед Хасан? – удивленно переспросил, – это мой дед. Мальчик говорил с акцентом, что и не удивительно – деревня была татарская, и люди, естественно, здесь проживали этой национальности, скорее, это я говорил не чисто и вторгся, заранее не изучив языка, доставлять только неудобства своим незнанием им, ему. Мальчик развернулся назад и, не говоря ни слова, пошел, как понял, показывая мне дорогу. Машину я оставил и пошел за мальчиком, который, видно снова не был здесь рядом со мной, но помнил точно, что мне нужно было видеть деда его. Пройдя не так много метров, мы встали у живого забора, который был вишневым. Оглянувшись и добрым взглядом осмотрев меня, он открыл калитку, которую бы я не нашел с первого раза, вошел вслед за ним. К моему удивлению, двор был большим, снаружи двора этого никак нельзя было сказать, что двор большой. Справа стоял длинный сарай, за ним высокий навес, под которым стоял трактор, должно быть, им дед Хасан и вспахивал землю отцу Евгению. Я остался стоять посреди двора, а мальчик, пока я осматривал пределы всего, что окружало меня здесь, должно быть, вошел в дом, потому как не заметил, куда он пошел, но это только забавляло меня, вернее, как-то даже грело внутри душу мою, какой-то доброй сказкой, в которую я попал.

На пороге дома показалась фигура, не было видно, потому как солнце слепило лица человека. Я задумался: солнце не дает видеть сразу, как будто оберегает всех здесь живущих. Голос пригласил меня в дом и, подойдя ближе, я увидел удивительного человека и протянул ему руку. Почему удивительного? Потому что не видел именно такого лица: волосы его были белоснежны, лицо в морщинах, глаза светлые, они были именно от его постоянного расположения доброго, от внутреннего к внешнему, любящего все живое, и эта любовь, должно быть, была взаимна.

7

Я представился – Игорь. Ему представляться не надо, его я знал раньше. Я к вам, дед Хасан, от... дальше не успел договорить; он пригласил меня пить чай. Его голос был тихий, и совсем нет акцента, это меня снова удивило. Мы вошли внутрь дома; слева стояла печь большая, стол посередине, который был накрытый, справа на стене висели фотографии, чуть выше над ними картина, должно быть, эпохи Возрождения; стол уставлен выпечкой, которой пахло по всему дому, слева и справа стола большие лавки, то есть мощные, даже, возможно, дубовые. Я прошел к столу и увидел: из-за печи их не было видно, были еще комнаты. Комнату, которую сразу не заметил, как вошел, но те комнаты не было видно из-за печи, а эту я не увидел, была

кухней, оттуда именно и доносились ароматы татарской кухни, точнее, выпечки, дополнение ко всему, что я здесь увидел. Лично я любил сладкое, это только можно любить: это чак-чак, который мне нравился с самого моего детства. Из той комнаты, не было никакого сомнения, что там была кухня, вышла женщина, жена деда Хасана; женщина возрастом своим выглядела бабушкой, но при этом немного моложе деда Хасана, звали её Разалия, я её стал звать – бабушка. За спиной моей как раз и оказалось кухня. Дед Хасан сел напротив и стал спрашивать своим взглядом, что привело сюда меня. Про деньги, которые мне передал отец Евгений, чтобы отдать деду Хасану, я забыл сразу, как только увидел его, то есть я про них помнил, но понял, что он не возьмет их, даже обидится на меня за это, а мне лично не хотелось с этого начинать наше с ним знакомство, если конечно суждено такому случиться.

– Я, дед Хасан, хотел бы у вас в деревне купить дом или же построить новый, – как-то даже неуверенно начал я разговор

– Дом – это хорошо, – ответил дед Хасан, – а что так, в деревне, в городе плохо стало?

– Если честно я еще давно, с самого моего детства мечтал о доме здесь, ну, вообще в деревне, – опять как-то несвязно заговорил я.

– Я вижу: ты любишь тишину больше и, там, в городе, тебе не так уж хорошо жить?

– Да хотя и родился в нем, но больше там любил бывать в парках, в садах, которые у нас, конечно, есть. Сейчас на этих местах, где были сады, – новые дома, офисы, но они другие, нет ничего общего с теми, что были раньше, может быть они стали лучше, но для меня те были родными, одним словом, этого ничего нет больше; мало что от того осталось, хорошо, что запахи люди не меняют, они такие же, что и раньше, когда, конечно, не пьешь, не куришь, дышишь как тогда чисто. Я не консервативный человек, мне просто все очень дорого, что связывает меня с детством.

Бабушка принесла чак-чак, беляши, чебуреки, самовар, который стоял на столе, был старинный и, видимо, даже фамильный. На столе царил изобилие, из всего попробовал все, и открыл для себя, что также помимо чак-чака, который любил и который на удивление мое вкусом своим превосходил что пробовал; все, что было на столе, даже чай я не пил никогда такой, пах он так, как пахнет здесь все – вишней, малиной, смородиной. От пищи в городе и приготовленной там, действительно будет вред, пища же эта отличалась от той и вкусом, и ароматом и, естественно, приготовлением и вложенной души – бабушки. Дед Хасан, как выяснилось при общении нашем, работал до выхода на пенсию учителем русского языка и литературы, вот и речь его откуда без акцента, хотя лично меня это уже и не беспокоило, да и не беспокоило вовсе, просто поначалу было не обычно, не привычно для меня немного. После чая, скорее ужина, я не обедал, и время не ужина, мы вышли на двор.

8

Время было около четырех вечера, солнце стояло высоко в небе, жара была терпимая, время от времени дул слабый ветерок, доносивший запах с округи, со всего, что только было на пути его, и в душу западало почему-то детство, воспоминания о времени безобидном, светлом. Дед Хасан спросил меня – курю ли я, я ответил, что нет.

– Пойдем за дом, там можно посидеть в тени и поговорить, – приглашал дед Хасан.

И я бессловесно пошел за ним. За домом стояла беседка. Беседка с колоннами, небольшими, как и сама она небольшого размера, как привык видеть всегда большими их, но в этом небольшой миниатюре была своя изюминка вкуса; вся резная, покрашенная: крыша – в белый, колонны – в

синий цвет. В беседке ветерок дул прохладней, чем на дворе; открывался вид на поле, за которым сразу же начинался лес. Присевши и расположившись поудобнее, мы оба смотрели в сторону леса.

– Как сейчас живут люди в городе, Игорь? – начал разговор дед Хасан, также глядя на лес. Но голос его был наполнен того смысла; сам знаю, как там. В городе все живут, чтоб только отдать все силы жизни своей; отдых – это деньги, работа – это силы. Человек тубик, который давят. Один вспылит внешне, другой внешне выдержал видом своим, что считается человеком психически уравновешенный, а тот, кто вспылит, опасен для общества, кто выдержал неведомо нам, может ненавидеть внутри души своей до самого страшного, аморального, все ненавидящий состояния, опухоль тоже внутри человека, явная лишь для самого человека угроза, но это не заразно для того, кто рядом, а там эта болезнь хуже гриппа, язвы наружные отталкивают человека как грязное и неподобающее состояние в обществе, а язвы эти всего лишь эмоция, с которой начинают судить о человеке, что он аморален, нежеле совершенная угроза внутри, в рамках сочувствия, спокойствия видимого играющего, и мы самые добрые, и это лишь притворство наглое, совершенствующее. Такие наступили времена – людей забавляют, жестокостью людей, суть через суд, а истины так и нет. Вот примерно так там и живут в городе. А счастье, что это за счастье, каждый хочет показаться красивым, и что все у него в жизни прекрасно, а если бы оказались невидимым и посмотреть этого человека после этого подиума, кого там увидишь? Слезы наворачиваются, плакать хочется. Человек с человеком, ненавидят человека.

– Да, – сказал дед Хасан. – И здесь я увидел совершенно иное его лицо: оно исполнилось скорби, печали, потери. Все подтвердилось, – тихо сказал он так, что, видимо, не желал, чтоб я слышал.

– Что подтвердилось, дед Хасан, – переспросил его.

– Кто ты?

Я удивленно смотрел на деда Хасана, которой встал и сверху смотрел на меня.

– Я не понял вашего вопроса, – дед Хасан?

И также оставался сидеть на своем месте, потому как вопрос имел совершенно другой смысл. Глаза его были наполнены слез, голос не менялся, и говорили о потери, кого? Что так сильно потрясло и мучило этого человека, про которого можно было сказать иное, что он весел и добр, что он никогда не плакал, если только от радости, смеялся всегда и всюду без притворства, а просто, чисто, любящий все живое. Кто ты, добрый или злой, – повторил он со словами, которые говорили о нашем грехопадении, о дереве, плоды которого – познание добра и зла; глаза исполнены сочувствия и говорящие, неужели ты не понял, о чем я спросил тебя.

9

Он пошел, но шаг его был медлен, он обернулся и тихо, как только может так говорить человек понятно, и в то же время мудро, ты добрый ответил вместо меня мне, потому как сам я не знал, что ему сказать, и он понял это. Дед Хасан чуть прибавил свой шаг, не оборачиваясь на меня, сказал: пойдём смотреть дом.

– Какой дом?

– Самый настоящий. И мне ничего не оставалось, как только пойти за ним. Миновав дом, двор, мы вышли. Перейдя улицу, в моем понятии это никак не ассоциировалось с улицей, это больше походило на широкую тропинку, мы также, как должно быть, мне кажется везде здесь в деревне, сразу с первого раза человеку, попавшему сюда, не заметил бы калитку, в которую мы прошли, в живую изгородь. Вышли на просторный двор, где стоял посередине двора дом. Дом был новым, ему было что-то всего около лет трех, не больше, опыта у меня в этом совершенно нет оценивать срок дома, но

видя еще свежесть дерева, резные окна, крышу, крыльцо и, все это благоухало деревом свежим, пахнущим еще даже резко, кажется каждый определил бы это. Я ошибся на один год, дом был построен два года назад. Дед Хасан, к моему удивлению, строил его один, прибегая к помощи соседей, в местах строительства, где требовалось сила поднять тяжесть. Я строил этот дом для моего сына, который уехал в город и там остался. Думал, что вернется, но ошибся, город его съел полностью, даже сердце сына, он не оставил мне. Мальчика, это мой внук, его сын, я забрал от него, да и он сам был этому рад. Приехав как-то в гости к нему, думал на неделю одну, уехал на другой день, чему он и его жена были счастливы решению моему, я забрал его, он от первого брака сына, к себе. Здесь он в безопасности живет, и я рад, что он со мной, все-таки кровь родная моя. А он знает, что вы построили ему такой дом? Знает. Как узнал, сразу приехал; радость была у меня и у матери большая в тот день, ну думаю, план удался мой, но радость сменилась сразу на гнев, как он только стал говорить, сколько может стоить денег такой дом. Этим летом приехал вместо него ты, тебе и жить в нем. Но все-таки жить здесь стоит денег, – начал я говорить. Тут он остановил меня, посмотрел в мои глаза, сказал, что не надо, Игорь, я начинаю только привязываться к тебе и не хочу так потерять тебя, ты еще не весь – здесь. Пойдем в дом, посмотришь как там. Я стоял, смотрел, как он входит в дом, и у меня слезы текли, я отвык от человеческого, только родители доносили мне эту любовь к человеку, а после, когда их не стало, я забыл это, только вера доносила до меня эту любовь временно, потому как после выхода из храма все это пропало, о истинном понятии человека; да кто может знать это, дед Хасан и еще несколько, среди которых меня точно не было. Что меня немного удивило, расположение в доме было точно таким же как в доме деда Хасана. Только все в нем было новым и, вместо выпечки как в доме деда Хасана, здесь пахло свежим деревом. Кровать здесь есть, нет только благ цивилизации: это телевизор и тому подобные вещи, ну и, конечно, все, что нужно остальное есть, так что можно жить. Он посмотрел вопросительно немного строго, чтоб видимо сразу отбить для него большие вопросы мои. Дед Хасан сказал, что кушать приходите будешь к нам, не говори ни слова, так мне и бабке моей приятно сделаешь, гостей мы с ней очень любим.

10

Время, был вечер. Дед Хасан пригласил меня в беседку пить чай. Самовар на столе кипел. Стол был также полон еды, как и в доме, во время нашего чаепития там. Мы пили чай и ели молча, глядя на все: на лес, поле с бабочками, перелетающими с одного места на другое, и с разным, наперебой, стрекотанием насекомых. Ждал я какого-нибудь снова, интересного, имеющего смысл вопроса деда Хасана. На этот раз мы сидели молча долго; мы наслаждались; я был влюбленным, а дед Хасан любил все это давно, когда меня еще не было здесь, на земле. Поле, которое простиралось пред нами, было вспаханно, но не засажено. Вот видишь, – наконец-то начал говорить дед Хасан. И я уже предчувствовал от слов его что-то, что действительно заслуживает внимания. Вот видишь поле, оно как золотое отражало солнце, что скажешь про это? Оно как золотое, – ответил я. Смотри теперь на небо, что скажешь про небо? Небо, задумавшись, повторил я; голубое или точнее светлого-голубое. Нет, мой друг, это бриллиант, нет ничего такого, на что на земле можно бы было это обменять, да и сама земля не имеет такой цены вся, даже несколько таких, все равно бриллиант будет бесконечно дороже всех. Земля – это золото, про которое мы можем сказать, сколько оно весит, небо – это бриллиант, который не измеряется в цифрах; небо бесценно, вот смысл слов – бесценно. Как думаешь, или не так? Мне понравился этот вопрос и, вот же на него ответ. Я хотел прочесть тебе одну мою вещь, надеюсь я не утомил тебя? Нет, дед Хасан, я даже рад, что мы с вами так сидим

и говорим о том, о чем действительно стоит говорить. Дед Хасан любопытно посмотрел на меня, достал, она рядом на лавке лежала с ним, тетрадь, взял очки, они пред ним лежали на столе, нашел страницу, что он мне хотел прочитать, губы его шевелились, он видно перечитывал написанное им и сказал: вот, слушай, Игорь.

«...Она также, страшно грешна, повторяют детоубийство, до самоубийства её самой, дают этим грехом люди в глаза её и за глаза, что убила родившегося ребенка своего. Страх и риск, внушаемый обществом, людями, которые окружают её, свой опыт взгляда, который от наблюдения её; что ребёнок – это обуза в молодости и, никаких стало быть нет шансов стать счастливой и, главное, одной тяжело. Ей не скажут при встрече – иди к нам мать святая, мы все любим и славим тебя, она родила жизнь новую, голоса раздаются от счастья человека новому человеку, появившемуся в мир с рождения, окружившие ребенка – мечта. Все не так, все как есть – ничего за душой нет, вздумала, нищету плодить, сама еще как ребенок, отец где ребенка? Рожашь? Сама и расти, поучают «ненавидят» и дальше хуже. Идет и делает – тяжкий грех, как зомби, внушили ей – нет смысла, нет желания рожать, растить, выбросить жизнь и, свою следом за ней – страшно!»

Это правда; я стал говорить сразу, как только понял, что дед Хасан закончил читать. Люди говорят, что сила в правде, вот она правда, и что, где здесь сила – одна немощь. Все видят правду, но о правде говорить мало, кто хочет, да и что такое есть правда в мире этом, где все материально, где только тот, кому выгодно стирает совершенно понятие правды, и строит собственную ему только выгодную правду; у каждого своя и каждой со своей правдой. И от правды страдают, как вот эта несчастная. У каждого, я повторю, своя правда и кому она нужна эта правда, её нужно заменить понятием – выгода, как материально так и существуя человек наслаждается, вот как страдающей. А знаете, дед Хасан, я не вижу для себя счастья, счастье в жизни семейной, если только это жизнь материальна – она ужасно, и здесь понятия ценности; если только она духовна, то эта жизнь – прекрасна, понятия бесценны. Это то, что не купить, ведь то, что не купить, все бесценно, так дед Хасан? Так Игорь. Человечеству нужно поменять свои ценности на бесценное, переключиться от материального на духовное. Кто живет духовно, тот смотрит на них с сожалением, и объяснить им поменять образ своей жизни они не в силах, а если не переключиться, они сожрут друг друга, и это доказывать не нужно, это все на глазах явно, если же скрывают друг от друга, то все равно будет известно, а известно как станет? Тот кто хочет правды, об этом скажет, и как скажет!

Дед Хасан снял очки, отложил тетрадь, на меня он не смотрел, он смотрел в поле, и через некоторое минутное время посмотрел на меня. Он увидел мои высохшие слезы, в ту минуту, когда он читал, они были. Спасибо, Игорь, я не ошибся, ты добрый. Если я был тем измерением его понятия добрый, тогда кто он, если я, добрый? Ты завтра пойдешь на праздник? Как-то вопросительно-строго посмотрел на меня дед Хасан. Праздник? – повторил я, – а, точно, Господи, ведь завтра праздник «Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани», я и забыл. Конечно, обязательно, лицо сразу же его приняло естественный вид свой. Дед Хасан удовлетворительно-спокойным, сияющим от седины и морщин, от светлых своих глаз сказал мне – я рад. Пойдем спать, тебе завтра утром рано вставать. Он пошел, я еще немного сидел и смотрел, как уходит он, и несколько капель слез скатились по моей щеке, после сказанных его слов «я рад».

11

День празднования «Явления Казанской Божьей Матери во граде Казани» был воистину благодатный. Встал я в шесть утра и, только открыв глаза свои, был сразу же готов идти, бежать что есть сил моих в Храм. Но

времени было предостаточно, чтобы умыться, сделать гимнастику на свежем воздухе и, совершенно не думая о том, что я могу опоздать в такой важный для меня день. Выйдя из деревни, поднявшись в гору, с которой было видны все ее окрестности, все пределы до горизонта, я немного задержал свой взор на картине, которая открывала поистине красоту этого края: все описание этого, что предстало, было исполнено чувства, всегда живого, вечно поющего и неумолкающего царства. Я был только то, что вторглось в пределы этой жизни, но не нарушил его закона, быть только добрым, чистым, несущим радость, а так как я и не представлял и не знал своей роли, то только наблюдали, стажировался в первый день, присматривались – устрою ли я, примут ли они меня, смогу ли я пройти испытательный срок свой, ведь столько раз они доверялись нам и мы, много раз обманывали надежды их, но они не держат на нас зла, они верят, что мы можем быть другими, совсем не быть злыми, но только добрыми для них. Все кружилось вокруг меня, что подтверждало: все пока идет прекрасно, я устраиваю их, но что будет дальше? И с этим чувством своим, в душе своей, направлялся на праздник. Поднявшись в гору, предо мной был спуск с высокой горы, откуда даже можно было видеть крест храма. Я решил бегом спуститься с нее, и был уверен, что машина времени здесь и она позволит мне вернуться на это время спуска с горы, в детство мое. Я устремил в этот бег свой, всю свою жизнь, и был уверен, что что-то хранит меня, и со мной не случится несчастья; радость объяла меня, и воздуха поток пронзал, грея душу мою, и не заметил, мне казалось, что это не мой крик, кричал ребенок; я в прошлом, я сочетаюсь, я с ним с детством моим, ведь все мы, как кажется мне, не взрослеем – грубеем. Я спустился с горы.

Храм предстал предо мной весь как есть, красивый, белый. Народу было много, и я решил найти отца Евгения, отдать ему деньги обратно, так как дед Хасан, безусловно, не взял бы их, но обиделся бы точно, вернее ему бы было больно, а этого бы мне не хотелось ему делать очень. Описывать праздничную Литургию не буду, но то, что всегда сочеталось молитвенно и сильно для меня, это когда я осеняю себя знаменем креста, и как и что происходит в то время во мне. Как тянется все живое на земле к солнцу, так и человек как к свету тянется к знамени своему в Храме Божьем, кланяется, каются в грехах своих, и снова к свету знамени руки своей – расцветает он.

12

Пальцы рук человека выпрямившись, похожи на лучи света чистого, белого, готовые сотворить знамения, помощь ближнему, прославляя своего Господа, и, как будто вянут они, тускнеет свет, прячется он, чернеет, и несут только боль, ненависть, когда сжимаются в кулаки; теряют красоту свою, радость ближнего своего, навлекают гнев Божий на себя за нарушение заповеди Его. Эта Литургия для меня была совершенно иной, я так не чувствовал легко себя никогда, как будто облако носило меня, мне лишь только нужно было не шевелиться, не упасть с него; главное ничего дурного не подумать ни о ком и не раздражаясь ни в чем, иначе можно, точно с него, с облака упасть, и он из-под тебя исчезнет так же как и появился, во время Литургии, в Храме. После, как закончилась праздничная Литургия с выносом иконы Божьей Матери и крестным ходом вокруг Храма, все вышли и окружили отца Евгения. Много было к нему вопросов, и он отвечал так умело и быстро, что каждый, кто задавал ему вопросы я видел, разрешенное лицо, которое мучило неизвестное что-то, но разрешилось и стало известно, что все не так страшно, когда доверяешь себя всецело Богу. Я сидел на камне, их было здесь несколько больших, видно после ремонта, реставрации Храма. Отец Евгений, народ, окруживший его, видел, когда менялись ростом люди меня и, как будто взгляд говорил его мне, только не уходи, мне нужно поговорить с тобой. Я, сидя на камне, и только щурясь от солнца, отвечал как только можно взгля-

дом ласково ему, чтоб снять с него сомнения все: я обязательно вас дождусь. Народ до последнего расходился от него, и вот он уже может говорить со мной. Ну, здравствуй, Игорь, как деревня тебе? Слава Богу, батюшка, мне очень понравилось там. Ну и хорошо. Да вот, батюшка, деньги дед Хасан не взял, а если честно, я не решился ему их дать, видно было, что обижу только его, не хотелось мне с этого начинать наш разговор. Я так и знал, вот такой он человек; какой, батюшка? Чистый, какой еще. Точно чистый, – подумал я, – ведь вот оно слово о дед Хасане, безусловно, чистый, ведь как снаружи, так и внутри себя он именно чистый, и другого слова о нем быть не может. Отдав деньги отцу Евгению и еще от себя, взяв благословение, отправился обратно, сказав батюшке, что домой пойду. Батюшка улыбнулся с словами – за все слава Богу! С Богом, Игорь.

До деревни я добрался быстрее, испытательный срок я прошел успешно, природа на меня не обращала никакого внимания больше. Войдя на двор, я встретил бабушку Разалию, которая выходила из сарая, мы поздоровались. Она сказала, что дед Хасан за домом, в беседке. Конечно, у меня было желание, и я хотел заговорить, но совершенно не знал, о чем можно завести разговор с бабушкой Разалией. Деда Хасана нашел там, где мне и сказала бабушка, в беседке. Он меня ждал. Увидев меня, встал, обнял, спросил, как прошло все, как отец Евгений, я ответил, что все прекрасно, поблагодарив его за заботу. Стол был накрыт, и мне ничего не оставалось, как только налить себе чая и вприкуску с чак-чаком наслаждаться всем, что уже произошло со мной в этот день, наблюдая за дедом Хасаном. Он писал что-то, и это что-то волновало его очень, потом, немного погодя, это что-то было им дописано – не слабо, потому как он потирает свои ладони, и по нему это было видно, что он готов читать мне. Игорь, ты меня прости, что я вот так нагружаю тебя разными своими мыслями, но ты потерпи еще немного, после я вообще от тебя отстану, мне больше некому читать это. Я поспешил его успокоить, что все, что он читает, и мысли его мне, я считаю, за честь для себя и вообще, наша встреча с ним, не как не другое как только подарок жизни для меня. Дед Хасан поблагодарил, слеза покатились по его щекам. Спасибо, Игорь, спасибо тебе. Вот такая вещь, Игорь, но название для нее я еще не придумал, да и вообще я думал, что ты, Игорь, мне поможешь с этим, как все это определить словом, я жду твоего совета, каким определить это. Вы готовы, Игорь? Вы поели; извините, Игорь? Да, дед Хасан, поел и готов. Ну вот, слушайте, мой друг, следующие слова:

«...Они гибли все – за наше будущее с вами, за нашу сегодня жизнь в мире. И каждый из них с последним вздохом своим, выкрикивал из груди своей, ради этого они отдавали жизнь свою. – Да Будет Мир! Вживлялось во все, что только способно нести жизнь в тебе в небе и на земле; умирая знали, что жизнь их отдана за святое что есть самое дорогое – у людей. Мы не имеем права – причинять боль им, то что вложено в каждого с рождения в нас - жить в мире, не забывать, чтить всегда – Бесценность! – Чистое Небо! Воскликать сердцем своим всегда в ответ им – Миру Мир!

Люди прислушайтесь в этот День, замрите в весенней тишине, и услышите тогда Вы, как раздаются вам – наши живые, ясные голоса, как восклицаем мы радостно вам – Да Будет Мир! В ответ от вас мы не услышим ваши голоса, мы слышим, как ваши сердца бьются в груди, стук которых отвечает не болью, который был в нас тогда в те тяжелые и страшные для всех времена, вы отвечаете нам сердцем, благословенным своим, живущим в мире, не ведая страха – Миру Мир! Да Будет Мир! – Миру Мир! Да Будет Мир! Миру Мир! Да Будет Мир! Память – незабвенная повторяет! Всегда! Всегда! Всегда!»

Дед Хасан после последних прочитанных слов своих, читал с таким выражением, что даже от переизбытка эмоций немного задохнулся, покраснел, видно, что эти последние слова он читал на одном дыхании.

– Ну как, что скажешь, Игорь? Эти слова как кажется мне «ну как...?» имеют в творчестве любого человека, делающего что-то, понятие всего, что вообще есть в нем, и на что способен он, выразить так как есть для всех людей, ценность памяти, вечно любить и хранить этот мир, ибо цена мира была – страшной. Это нужно всем, и дед Хасан смотрел на меня, и я был в его глазах – всем.

– Нет слов, дед Хасан, меня тронуло все.

– Как думаешь, Игорь, назвать, твое представление?

– Я думаю «Помни всегда, говори другим». Выдержав паузу и отпив из пиалы глоток чая, дед Хасан посмотрел на меня, как будто обдумывая, стоит ли со мной об этом говорить, и через чуть больше минуты начал говорить. Игорь, я вот иногда задумывался, если в тот момент, когда две армии стоят друг против друга на поле, и вот-вот должен начаться бой, до начала его, за полчаса, выносят два огромных полотна картин каких-нибудь великих художников на самую середину; они станут идти друг на друга и уничтожат, как ты думаешь, эти картины совершенно или что-то произойдет, перевернет в них? Картины дорогие, но жизнь человеческая – бесценна. Я думаю, что среди них ценителей высокого искусства не так много, но полководцы с обеих сторон прикажут вынести эти картины с поля: одна у одного, другая картина у другого, и у каждого даже стимул будет победить, потому что там, на той стороне поля, картина, которую он захватить может. Трофеей, да еще какой. Или же картины никто убирать не станет, а полководец только прикажет, кто повредит картину, того я лично пристрелю, и будет наблюдать за боем или прикажет смотреть, чтоб знать, если что, кто – повредит великое творение человека, но не думая, а творением самого Бога. Я слышал где-то, что искусство – это еще реабилитация одного народа перед другим. Сегодня другое, дед Хасан, если смотреть сейчас на то, что происходит на земле в жизни людей, то нужно говорить чуть об ином, но смысл все время один. Сейчас люди часто говорят о конце света, об Апокалипсисе. Не подозревая, что он наступил для некоторых людей, да он и не прекращался никогда на Земле, только это не тот Апокалипсис, а вернее сказать пред-Апокалипсис. Это ведь не метеориты астероиды, летящие из космоса и разрушающие Землю, это люди убивают людей, да и как это можно объяснить тем, что происходит, почему их калечат, убивают, сбрасывают на них бомбы. Так и во время Апокалипсиса никто никому объяснить не сможет, почему они гибнут. Если хочет человек испытать это, уничтожающее все явление, поезжай туда, где одни якобы уничтожают зло и испытывают пред-Апокалипсис. И главное – они говорят и не верят, что Апокалипсис настанет. А он будет, потому что одни, живя спокойно, не могут жить так вечно, когда других убивают, те кто убивают, их мирное население живет в мире; они своим оружием обеспечили себе безопасность, своему народу, истребляя другие народы, у которых нет таких гарантий, но гарантия, как известно, не вечна, и тут должны вступить в силу силы иные, не земные – Небесные. И одновременно на земле, не на отдельные народы, а все абсолютно жители Земли будут испытывать ужас, когда наступит Апокалипсис. И тогда мы узнаем насколько, совершенно мы беззащитны. Мы так и будем мучиться, потому что зло хотим победить, мы ведь только выдумали, внушили себе и действуем, как будто только ради добра и от имени его, а внутри нас что, глаза наши полны только чем? – злом. И снова зло от зла. Это зло, о котором я говорю, касается того, что сейчас происходит на Земле; это больше похоже на избивание сильного слабого перед ним. И это, что происходит вокруг нас не так страшно, что остается внутри его, и что хотелось бы ему сделать и исправить, как кажется, человеку совершенно этим действием своим уничтожить зло на земле. (То что наружу в нас, и то что в нас не все наружу, ибо это что осталось в нас, может погубить как себя, так и всех нас). Ваши слова, дед Хасан, вечная память тем, кто отдавал жизнь свою ради нас, спасая жизнь близким своим, родным; а близкие родные – это кто? Это мы – поколение неблагодарное,

люди не хотят помнить это, им надо все испытать самим, весь ужас войны на себе, только потом они станут ценить жизнь после испытанного на себе зла. Бомбя население арт-авиастрелом, это если можно так выразиться, малая модель гибели всей планеты. Кто дал право убить нашу планету? Собственная выдумка, границы которые одни имеют право нарушать, другие не смеют, элементарное личностей отдельных решение; от зла собственного переходящие – в зло мировое. Как легко говорят в новостях, там нужно наладить мир! А какой ценой этот мир; убивать мирное население там; так если бы они испытали летящие бомбы и разрывающиеся рядом с ними на себе, они тогда искали бы другие способы решения вопроса – как там устроить мир. Чаша весов еще просто не переполнена, когда будет полна даже через края, тогда произойдет все наше беспредельное, обратная реакция для мира сильный в страдания для всего человечества; за наше – покорное молчание в бездействии. У них самих идет в стране война, которую они не могут остановить, воображая из себя миротворцев земли; на своей земле не могут, как выражаются они, устроить мир на земле. Они, сильные, так сказать, мира сего приходят в свою пустыню, где их разум упирается в границы, который не может мыслить дальше, единственное, как им кажется правильное решение и иного не может быть вовсе – это война, решить этот вопрос путем мира – это значит перейти за эти свои границы и расширить их, вопреки всем законам необходимости, принудительности.

Понимаешь, дед Хасан, эта для них власть, в которую надо наиграться, а потом передать другому. Наш разговор еще продолжался долгое время в беседе, нас можно было видеть со стороны, и если бы кто нас видел и остался бы наблюдать за нами, то сказал бы, что мы ненормальные, неадекватные люди. Мы переходили от одного к другому, смеялись, задумывались, не замечая повышали немного голос, когда касался разговор мира, наши лица менялись, должно быть так и мир меняется и, наблюдая также землю нашу со стороны, можно сказать, что мы здесь все ненормальные; на одной стороне земли люди радуются, на другой людей убивают. Люди чувствуют в себе инстинктивно позывы добра, в основное время они обязаны быть добрыми, если не хочешь быть признан сумасшедшим. Я видел, что дед Хасан как-то странно намеками говорил мне, но эти намеки было сложно улавливать и анализировать в голове, нет, не то, что он говорил мне я не понимал, а именно выражение лица, мимика и тон его слов, проходили через призму взгляда, и он устремлял его в сторону и выражал как бы всем им прощение свое. Куда собрался он, вот этого я не мог понять, а спросить не решался никак, было еще сомнение, что это все только кажется мне. Знаешь, Игорь, вся проблема наша еще в том, что мы не верим в лучшего человека, то есть мы запоминаем его тем когда-либо совершившим что-то, даже малое зло человеку, и это мы храним и свидетельствуем о нем другим и не как иным человеком, честного, откровенного, любящего человека, а ведь если вспомнить Диогена. Диоген проходил часть своей жизни с фонарем, ища человека честного; и все время поиска своего, на одни только зеркала наткнулся. Сначала радовался, что нашел, после всматривался и, что это было? Отражение собственное его. И снова один и снова ищет, несчастный Диоген; среди кого жил он? Люди лучше бы работали больше над собой, так нет, они будут работать над другим, не замечая и забывая себя в этом во всем и, главное, они теряют облик свой, а думают, что это они такими должны всегда быть, ошибочно порою часть жизни и, даже совершенно всю свою жизнь. Я верю в лучшего человека, нет неправильно я говорю, все есть люди лучше меня, и, когда я думаю так, мне становится легче жить и дышать.

– Видишь, Игорь, на обеих моих ладонях линии, ты думаешь это судьбы моей линии, нет, – это шрамы, следы от веревки, которую мы тянем свою жизнь, тянем-затянем, да только вот выпрямиться не можем, а я не так давно избавился от этой веревки и увидел, как мы живем страшно. В его лице была скорбь, но разочарования не было нисколько в глазах, были только

капельки слез радости, и он обращал свое лицо кверху и, там как будто искал кого-то и благодарил за то, что открыл глаза ему на все, что происходит сейчас с ним. Значение мира материального, назначения в нем человечества – не имеет значения; я должен знать самое худшее, потому как лучшее будет худшим; это не для меня, это, я понял и говорю сейчас об этом, тебе.

– Должно быть, утомил Игорь тебя?

– Нет, дед Хасан, я слушаю, и соглашаюсь со всем, что вы говорите мне.

13

Темнело. Дед Хасан встал, я встал за ним, он как-то по-отцовски обнял меня, крепко прижал к себе; от него пахло пшеницей, полевыми цветами, чистым запахом жизни, я не могу знать, как пахнет жизнь, но что-то внутри меня говорило мне, что именно так жизнь пахнет. Потом посмотрел в глаза мои, прижал снова меня к себе, также как и до этого крепко прижал и так тихо, пронзая все существо мое, таким необъяснимым теплом, от которого только может быть легко на душе, сказал:

– Пойдем спать, сынок, завтра надо мне рано встать.

Я пришел в дом своей, немного времени не мог уснуть, что-то странно мучила и, как-то издалека не давало покоя мне, мысль, странного прощания с ним, может быть и странного не было здесь ничего, я, возможно, заразился эксклюзивом жизни настоящей здесь и, иначе как о смысле жизни и о всем, что происходит вообще в мире, нельзя даже на минуту думать о другом. Это порядок, алгоритм, если можно сказать так, который переинформирует тебя, и здесь ты только начинаешь думать о том, зачем ты живешь на свете, зачем тебе вставать и бежать куда-то, даже если в душе до сих пор есть такой вопрос. Уставившись в потолок взглядом, я подумал – зачем я живу? То выглянув в окно здесь, ты сразу скажешь себе, увидев это все, что живешь на этом свете не зря. Скольким времени я живу здесь и сколько дед Хасан, вот это и был мне ответ; слаб – душой, чтоб понять смысл весь. Так и уснул не разгадав.

Я стоял сегодня у окна университета и точно осознавал, что не сплю, и видел ясно, как корни проникают сквозь потолок и окна деревьев; они большие, уверенные в себе корни. Что это могло значить? Возможно то, что пройдет время, поколения твоего и еще быть может нескольких поколений также, на крыше здания, от пробудившихся сердец людей вырастет дерево, возможно не одно, плоды которого никто не станет рвать, и вовсе надоели плоды всем эти, и корни разрушат здание все. И этому придет конец. Как звучит бесполезно слово «этому», которое касается здания университета и, по касанию разрушает здание совершенно, обличая его немощную внутреннюю сторону взглядом на прошлое все, что преподавалась и вывело от трудов теоретических и практических своих – в жизнь. И как звучит настоятельно, что-то не понятно абсурдное в словах человеку и в то же время расцветает его сердце, который и был, что его только и вели эти науки: этому тебя нигде не научат, к этому ты должен прийти сам. Пробудившись от сна, я даже не понимал, что это приснилось, анализируя сон свой, до этого мне подобного ничего никогда не снилось, и вопросы эти никогда как вчера перед сном не мучили меня. Возможно после того, как дед Хасан меня обнял, вдруг что-то изменилось внутри меня и я стал думать о том, о чем должен был думать всегда; да нет, абсурд и сон, и ответ, который пришел мне; все поменялось, перестроилось внутри меня за ночь, или он дал мне что-то свое, поделился со мной. Я отправился к деду Хасану рассказать свой сон. Войдя в дом, я увидел бабушку Разалию, которая переливала что-то из одной посуды в другую, это был квас, и, которая, как только увидела, меня сразу же пригласила за стол. За едой я стал спрашивать ее, где дед Хасан? На что она отвечала: не знаю, Игорь, – я встала в шесть утра, его не было уже дома, он, наверное, ушел куда-нибудь в поле, в лес; в последнее время он стал

часто уходить куда-то, но уходил он при мне всегда и брал с собой еды немного, а тут ушел рано и ничего как смотрю не взял с собой, значит придет скоро. Поблагодарив бабушку Разалию за завтрак, я предложил свою помощь, если нужно помочь что-то, на что она ответила мне, что не нужно, сказав спасибо за предложение моей помощи. Выйдя из дома, я увидел Рамиля, который, как я понял, собирался на речку рыбачить, меня увидев и как-то необычно улыбаясь прошел мимо, не отворачивая от меня своего взгляда; остановился, движение его было от меня, лицо его было обращено ко мне. Он спросил:

– Хочешь, пойдем со мной?

После обильного завтрака мне не хотелось идти на речку и я подумал, что еще успею с ним порыбачить вдоволь.

Я ответил:

– Нет, Рамиль, в следующий раз, хорошо друг?

Он нисколько, не изменяя своего лица ответил: хорошо и прошел дальше, скрывшись от меня за живой изгородью. Я пошел к себе. Как-то медленно, вдумчиво делая каждый шаг свой, вдруг остановился, и на лицо мне стал капать мелкий дождик, я выставил руку перед собой и смотрел на ладонь, как капли его, их было мало совсем, капали едва уловимые взглядом еще и потому, что солнце светило миру, было ярким, слепило, даже от ладони моей отражалось, как от зеркала, и я щурился. Присев на лавочку возле дома, недолго задержавшись на ней, решил войти в дом и прилечь, мне казалось, что я не выспался; глаза мои тяжелели и голова плавно желала опуститься на подушку. А главное, мне было интересно, что сейчас мне приснится, и где-то в глубине души, если честно, я хотел, чтобы мне ничего сейчас не приснилось.

14

Они шли своей веселой толпой быстрее, как только окликнул их сзади голос. Все засуетились и шедший впереди, не оглядываясь на остальных, быстро и судорожно говорил: не смотрите назад! Голос, не прекращаясь, всё так же звал: человек, человек, человек! Вдруг один из толпы не выдержал, оглянувшись и, удивленный удивленным, сказал идущему впереди толпы, он был главный среди них. Да он и не нам кричит! Тогда кому же? Вон тому нищему, вышедшему из леса.

– Человек? Он, человек? – с презрением в голосе сказал шедший впереди.

– Тогда кто же мы, – вопросом со всех концов толпы стали раздаваться голоса, взирая взгляды свои на того, кому доверились они?

– А мы, гордо подняв свою голову и посмотрев пустыми своими глазами в небо, – лидер ответил – сверхчеловеки!

И толпа снова продолжала своё веселье, разбрасывая также направо и налево – свое безумие дальше. Когда я открыл глаза, даже не был в то время удивлен, что приснилось, это становилось в порядке вещей для меня, даже как будто, почему так мало приснилось мне. Время было пять вечера. Так много прошло времени за такой маленький, короткий, как мне показалось, сон. Выйдя из дома, я также направился к дому деда Хасана, мне хотелось видеть его и говорить с ним о том, что снилось мне. Чувство было какое-то странное у меня, что я на иждивении у них; это от гордыни, что я могу заплатить за все; не знаем мы, думая так, что за все надо платить, не ведома, к сожалению, другая жизнь нам, как и мне, до приезда сюда, что есть другая, совершенно иная человеческая жизнь. Только успел вступить на двор, как вдруг запах жареной рыбы овладел всем обонянием моим. Было не трудно догадаться, пойманный улов Рамиля увенчался успехом, доведенный до конца приготовлением бабушки Разалии, совершенным успехом, о котором говорил уже только один запах так и ведомый им, как гипнозом. В доме деда Хасана я не увидел, бабушка Разалия, видя мой озабоченный взгляд, сказала,

что он еще не пришел, но я вовремя, сейчас будет есть. Рамиль смотрел на меня, улыбаясь, повторил слова бабушки, сейчас будем есть,

сначала я думал, что он укоряет так меня, что я не пошел с ним, но сразу же покаялся в себе, видя старания, озабоченность, он сам подавал рыбу, и ласковый взгляд его, который как бы говорил мне: ты для нас дорогой гость. Поужинав, напившись чая, мы, еще немного времени сидели за столом. Бабушка Разалия говорила мне, как она познакомилась с дедом Хасаном и как тронула ее его необычность, которой она объяснить не могла, но чувствовала всем, как она сама выражалось существом своим, что это тот самый человек, с которым она готова соединить жизнь свою. Она гордилось им, она так говорит всегда и это всегда было наполнено любовью, нежностью, и всеобъемлющего понятия жизнь прошла моя не зря, он, дед Хасан, для нее – подарок судьбы, бесценный, как тот самый бриллиант, что даже земли всей не хватит, поменять на него. Рамиль смотрел то на бабушку, то на меня, переводя свой взгляд, и знал, о чем сейчас говорят здесь; все – это его дед, которого он любил больше всех. Поблагодарив бабушку Разалию, Рамиля за ужин, проведя рукой своей по голове Рамиля, как бы извиняясь перед ним за свой помысел, что он укоряет меня, я вышел. Прогулявшись немного по широкой тропинке, как уже выражался по приезду моему сюда в деревню, вернулся. Пройдя на свой двор, я по-другому не мог выражаться, чувствуя себя здесь как дома; понятие «не забывай, что ты в гостях» выветрилось из меня до последней капли, прошел в дом и снова лег. Почему, что целый день и делаю, что сплю, можно было объяснить так: это восстановление сил, отдыхом которого так упивается мой организм и еще не насытившись им, продолжал впихивать в себя, я думаю, что это можно назвать жизнь, которую так легко забирает из него городская суета. Удивление при слове «нет», когда «нет» говорит правду, от далекого забвения умилением собственной жизни. С необходимым минимумом для цивилизаций, без цивилизаций максимум жизни, скорее всего мне нужен только этот смысл. Я начинаю понимать для себя, что в меня вкрадывается именно это, а не иное, которое несет собой еще не яркое, но уже для меня понятное чувство страха, перед неясным моим существованием до приезда сюда, жизни. Вдумчиво размышляя с постепенным наплывом своих мыслей, чувствовал, как мой затылок погружался в пучину подушки, и мне не оставалось ничего больше, как закрыть свои глаза и уснуть в ту же минуту.

Последний человек земли шел по дну высохшего океана. По его скалистой, каменистой, песчаной пустыне. Идя по дну его, он брел как безумный, хотя безумный в это время будет то же самое, что и умный – различия между ними не будет. Перед ним стоял наполовину, правая его сторона была опущена чуть ниже левой, в песке сундук. Открыв его, замок сундука имел за время проведенного своего здесь на дне только название замка, без труда. Там находилось доверху золото, бриллианты, украшения; хлопнув крышкой его, которая тут же превратилась в прах, он побрел дальше; хотелось плакать, опустив голову свою, шатаясь влево-вправо остановился, его немного качало, не от ветра, от чувства страдать, которое переполняло его; закрыв свое лицо обеими ладонями, он опустился на колени, отняв ладони от лица своего, оно было все залито слезами, с хрипом, с непониманием полным на лице своем, простонал – и ради этого, он с ненавистью оглянулся в сторону сундука. Они потеряли все, что было живого на земле, все, что только могло давать жизнь всем. В воздухе также веяли слова, не потерявших еще до конца силы своей, последних, предпоследних людей земли – и ради этого они потеряли все. Страх бесконечный вселялся даже в камни, в песок, которые говорили языком ветра, содрогая все, не живое на земле стоном, который издавала сама смерть – нет больше живого на земле! Сон меняется также, не понятно как жизнь человека, когда задает себе вопрос он; я и не мог себе даже представить такого, что у меня будет такое в жизни. Я ехал в своем автомобиле, по какой-то неясной мне окрестности города и, не мог сказать

точно, мой ли это город. Ничего абсолютно мне не напоминало о нем по той дороге, по которой я двигался куда-то; чувство у меня было, что домой. Вдруг слышу удары; иду пешком; там же, где ехал, но слева от меня стал виден центр города, в котором живу, и удивленно смотрел и говорил сам себе, что этой дороги я не знал раньше, от которой рядом центр города. Удары все нарастали, вижу огороженную территорию деревянным забором, за которым забивали в землю сваи под строительство дома, и перед забором, спиной к забору лицом ко мне, стоит дед Хасан, счастливый, улыбается. Спрашиваю его, где он был весь день, мне нужно с вами поговорить.

Он отвечает:

- Строю, Игорь, дом, счастливый, для своего сына.

15

Я просыпаюсь. Еще не открыв глаза, не понимаю, что происходит, мгновение, осознаю, что кто-то стучится в дверь дома и слышу ясно голос Рамиля, которой зовет меня, дядя Игорь. Встаю, иду к двери, стук прекратился, не доходя до двери метра, моя рука машинально потянулась открыть её, как вдруг стук в окно, в первое от угла начала дома, усиленно стучал Рамиль, там у окна стоит кроватка, на которой я сплю, также взывал, звал меня голос, дядя Игорь, откройте. Мне нужно было просто открыть дверь и выйти. Еще не проснувшись до конца, пошел к окну, к тому, в которое стучал Рамиль узнать, что случилось. Подойдя к окну, возле которого стоял он не оставаясь стоять на месте у окна, к которому подошел я, он стал обратно двигаться в сторону двери. Окно было пять, и у каждого окна он останавливался на мгновение. Мне показалось, как будто поезд уходит. Он на перроне, а я в вагоне, как будто он провожал меня и не успел сказать что-то важное мне, стал направляться к двери. В его голосе было страшное волнение непонятное мне еще; не до конца проснувшись, я почувствовал ощущение потери. Интонация его голоса была именно трагична и несла с собой обильные слезы, которых я, конечно, не видел; время было три часа ночи. Открыв дверь, я увидел, что Рамиль стоял и плакал, я подошел к нему, обнял его, он весь дрожал и ничего не мог сказать мне внятно; слезы и нехватка воздуха, от перевознения неверия, потрясения. Что так тронуло ребенка? Он пытался сказать мне что-то, вбирая в себя воздух и от слез своих не мог ничего сказать снова, он только протянул руку в сторону дома. Я спросил его:

- Что случилось, что-то с дедом? Рамиль кивнул головой, снова протянул руку, опустил голову. Он не мог сказать мне эти слова страшные, в которые он не верил сам совершенно, это никак не укладывалось в голове ребенка, что дед Хасан – умер. Рамиль думал, что мы живем вечно, такое чувство есть у каждого ребенка, да и у взрослого человека, пока есть здоровье, или же не думают вообще об этом. Я побежал, Рамиль бежал за мной. Не помню, как я пробежал двор и очутился в доме, в который вошел тихо, где горел тусклый свет, в комнате налево от того места, где кухня, это была спальня. Непривычно плакал голос бабушки Разалии, нет здесь не было ни крика, ни безумного плача, что только может являться ревом человека, потерявшего близкого человека; плач бабушки Разалии был тихим, кротким, что не вяжется никак с плачем потери, почему непривычным – это как пение. Бабушка Разалия, должно быть, в этом пении вспоминала прошлое, и плач её, точно родник, который вот-вот засохнет и, как из последних сил, засыхать не хочет. Дед Хасан лежал на постели, и мне как будто даже кажется, что он, немного, было похоже на это, улыбается. Как? Одна и единственная мысль, которая только на эту минуту беспокоила меня: произошло так. Он не должен был так уйти, не поговорив со мной, я должен был ему сказать столько еще слов и вдруг, его нет, нет, нет, этого не может быть, так не бывает, так не должно быть, – сверлило меня. Как страшно стало мне от мысли, что надо было поговорить со мной, а потом хоть куда иди, или умирай. Я как

будто учился у него, делать инструмент и не успел, когда сделал показать ему, учителю, как звучит он, его не стало уже, но его инструмент я слышал, и он звучит лучше, чем мой, только гораздо – чище, звонче, светлее. Я присел на тот же стоявший стул, смотрел на него. Бабушка Разалия знала, что это я позади ее и, не поворачивая своей головы, рассказывала мне как не стало его. Он пришел где-то в час ночи, лег, не поел, да и не попил чая, сразу. Я не спрашивала его, где был он, завтра сам все скажет, где был весь день, он любил всегда делиться впечатлениями со мной. Прошло где-то около получаса, как он лег, дышал ровно, как всегда дышал, и вдруг как-то необычно показалось мне вобрал сколько возможно воздуха в себя, ему как будто не хватало его, это уже потом поняла я, выдохнул и, тишина, он больше не сделал вдоха ни одного, я его зову – Хасан, Хасан, а он молчит, не слышит меня. Снова стала плакать она; мне было больно в самой душе сердцу моему. Всегда так издевательски влияет та, не человеческая мысль, как будто кто-то рядом хочет видеть, как ты будешь убиваться от горя, нашептывает тебе, глядя в твои глаза – «все, больше никогда не увидишь его, больше никогда не будешь говорить с ним» и, видя, как несчастное, пред горем бессильное существо убивается как снаружи, так и внутри себя, доводя, до отчаяния этой мыслью его; смеется, хохочет, это можно слышать, когда человек и не плачет и не рыдает, а словно это и не человек вовсе – безумствует. Этого здесь не было, здесь это понимаю, что век человека обрывается и что обрыв происходит внезапно, а в старости многие вообще смиряются с этим – с смертью, с ожиданием смерти. Я не помню сколько просидел, глядя и осматривая, что окружало меня, рядом с дедом Хасаном. Я встал, подошел, опустил свои руки на плечи бабушке Разалии, я должен был как-то, наверное, еще раньше подойти к ней и, как-то, пусть даже так молча, она понимала, она все понимала, почувствовать ее горю, которое было, конечно, не в такой как в ее мере, но мера эта была и моего горя. Она, не оборачиваясь, положила свою руку на мою и тихо прошептала:

- Ты добрый, Игорь.

- Я пойду, выйду.

- Да, да, конечно, иди, Игорь.

Рамиль сидел возле дома на лавке, и, к удивлению моему, он был совершенно спокойный, даже как и раньше у него это улыбка, должно быть, кто-то ему открыл, что слезы – это только хуже ему, деду Хасану, а радость ему лучше, что жил не зря и при жизни своей только радость вселял людям, и уж прошу вас, не надо его оплакивать слезами, лучше улыбкой осветите его память. Я прошел к себе в дом, подошел к кровати и, как обычно обеда все вокруг себя на столе взглядом, увидел тетрадь деда Хасана. Откуда она здесь, кто принес ее сюда мне? Стал прокручивать все в голове с самого начала, с того момента, когда лег, и вдруг вижу одеяло, которым я точно помню, что не накрывался – было жарко, одеяло лежало на столе, сложено, аккуратно, а тут оно лежит на постели так, когда человек встает, не поправляя его. Он был здесь, дед Хасан, когда спал я, он укрыл меня им; мне стало больнее, присел; я плакал. Протянул руку, взял тетрадь, открыл заложенную страницу, стал читать.

16. Притча

Зима. Крестьянин шел дорогой через лес в деревню свою, обуза его была не велика: сумка через плечо и хлеб в сумке семье, мысль одна: быстрее до дома дойти. Звезды начинали только проявляться на небе, и тишина предвещала покой мертвый, мороз сильный. Крестьянин шел в глубине леса, в том серединном пути его, в котором мысли меняются от потока сил в теле – еще, половина пути осталось и надо собраться силами и дойти, отдаваясь полностью мыслям о голодной семье. Не спит и темный страх человека. Вдруг как призраки ниоткуда, разбойники 15 окружили крестьянина по дороге.

Оборванные, в лохмотьях, они стояли с ножами вокруг своей добычи; в пище, как видно по их лицам, они не испытывали нужды, в одежде, напротив, испытывал их мороз. Крестьянину было предложено снять одежду свою, он замылся, тогда ему приказали и подступили с ножами ближе; он начал снимать одежду с себя, хотя и одет он бы не намного лучше их. Сумка была сдернута с плеча, проверена, и оказалось, что там только хлеб, который крестьянин нес семье, умирающей с голоду, своей. В одной рубахе, в подштанниках и лаптях, он стоял пред ними и смотрел, как делят нищую одежду его. Сумка была выброшена в сторону крестьянина; таким образом, отдана была ему со словами: мы хлеб не берем, хлеб – это святое и, с этим, мало доступным смыслом, также пропали, как появились на дороге.

Крестьянин стоял, еще немного, страх согревал его, и только после, немного погодя как исчезли грабители, побежал, чтобы согреть себя. Что для них было святое неизвестно; то что не нужно было им, для них святое, хлеб они отдали ему, в том в чем они испытывают нужду, для них не свято. Добежал ли крестьянин до деревни своей и принес ли он себе своей хлеб, неизвестно, но точно мы знаем верно, что мороз был тогда сильный и, путь лежал его до деревни неблизкий. Я повторил слова, написанные дедом Хасаном; в том в чем не испытывают нужды они, а другие испытывают, для них святое, а то, что многим не так важно, они даже и не думают об этом, им лишь бы прокормить себя; для них, нет святого. Хлеб – святое, в нем нет нужды, роскоши всем хочется больше, в этом нет святого ничего, любой ценой любыми средствами, только чтоб это было.

16

Напротив моей машины стояли два автомобиля, должно быть, это приехал сын, непременно сын, которому сообщили по телефону, что отца не стало и, возможно, родственники от него узнали, приехали. Только я ступил на двор, но идти дальше не решился, задал себе вопрос – кто я там? Я, никто для них. Человеческое тепло и добро – это, конечно редкость, и я был одарен этим теплом этих людей сполна и, даже мне кажется слишком; а сейчас, это личное и здесь только родные люди. Путник, который шел и захотел бы остановиться на ночь в этом дворе и увидев, что здесь горе, не стал бы беспокоить этих людей, а прошел бы дальше, на другой двор, соседний. Я решил сделать также, только не на другой двор, а уехать сразу и, возможно, ночь эту ночевать у отца Евгения. Когда еще стоял я и только что хотел идти, меня увидел Рамиль, он остановился, шел в сторону сарая и, также с таким же как при первой встрече моей с ним встретился загадочным устремленным взглядом; мир его был точно в недосягаемости моей. При первой нашей встрече он открыл мне дверь в мир этот, теперь, он же и закрыл ее; я улыбнулся ему на прощанье, улыбкой, благодарной за все, и вышел. У меня столько раз здесь текли слезы, и это может говорить только одно, что мы не камни, мы живые, чуткие духом люди, пусть и падшего естества, но не погибшей до конца человеческой, до предела чувственной, молящейся и надеющейся жизни. Облако кого-то мне напоминает, оно, да, конечно, его; он шел, и ушел по золотой земле, постепенно вступая вверх на, не имеющей цены, такие как он прожившие именно такую жизнь, не завидуя никому, не осуждая никого и помогая, не гордясь этим никогда, на бесценное, как и он сам, и вся жизнь его – небо. Что-то мелькало, что-то обжегал, на что-то обращал внимание, что-то было на дороге, по которой ехал. Как проехал дорогу, не заметил как, доехал до церкви. Церковь была закрыта, время было пять вечера; вздрогнул, телефон зазвонил, который молчал, столько времени; высветилось имя Артем на экране телефона, с которым я работал, общался.

– Алло, здравствуй, Артем, как дела, что делаешь? – начал бодро, чтоб тот не задавал мне глупых вопросов, на которые он только что и был способен.

– Я, дружище, в Испании, где мы с тобой в том году отдыхали, сам-то ты где отдыхаешь, куда отправился, – рассказывай?

– Я в России; а куда поедешь, время отпуска уходит?

– В Россию, куда, не понял, в Россию? Да ответь где ты, мне толком, значит, ты где-то отдыхаешь? Раз в Россию ехать уже собрался.

– Прости, я не могу говорить, да и плохо что-то слышно тебя стало.

Я отключил телефон, не хотел больше говорить ни с кем, он вернул меня со своей манерой говорить снова туда, куда я уже не хотел возвращаться жить. Дождь, Господи, пошел дождь, я был ему рад так, что как будто только слышал о нем с таким интересом рассказывающих мне людей, которые сами видели дождь и взглядом своим мне как будто говорили они: ты еще молодой, у тебя столько еще будет в жизни дождей, но никогда как будто не видел сам дождя. Солнце вечернее в дождь казалось мне таким не земным, оно и есть небесное светило, но здесь на земле мы можем только говорить словами земными, выражать свои чувства только ими, язык неба нам не доступен, и на все, на что мы не обращаем внимания, что мы так давно привыкли видеть и живем рядом с этим; сначала говорим об этом словами земными, которые нужно исправить и, дать жизнь словам своим другую, иную, связанную с небом, только и только в этой жизни происходит перелом в сознании человека в сердце, он начинает думать иначе, ему становится понятен язык неба, что это за язык, который доступен всем людям совершенно? – это молитва! Я вышел из машины и пошел к церкви. Церковь была закрыта. Да, я знал это. Дождь поливал меня, дождь был теплый. С правой стороны от церкви светит солнце, мне не хотелось выпускать солнце из виду и, присев, я облокотился спиной к храму, головою. Подняв голову в небо, я стал как будто окружен небом в небе, белой стеной церкви. Правой рукой своей стал гладить стену храма, я сочувствовал и сострадал, к дополнению дождя у меня потекли слезы, и слова, которые рождались во мне в ту самую минуту – Лучшее объясняет стене; она молчит, благоговейно с тобой соглашается во всем, всему и, совершенно никогда ни спорит с тобой, а главное, нервы целы, сердце не болит. Я буду учиться у стены. Они спорят, кричат – молчу, что им сказать? Присел к стене – она что-то сказала мне, я что-то ответил, сказал стене. Больше молчим – чем говорим. Ты не кричишь – как будто молишься и в дождь, и в снег, в любой мороз, при любом ветре стоишь. Смирренная, кроткая стена; что за постриг у тебя, стена? Святая; ты всё – хранишь у земли, что только есть Святое – на земле.

Мы стояли друг против друга на поле брани

Мы стояли друг против друга на поле брани. Я чувствовал, что проиграю битву эту. Не знаю почему, но это было чувство внутри меня и тяготило душу мою; войны мои, видно видели неуверенность мою, кони их как будто уже готовы были бежать вслед за мной, переминая копыта свои, страх видно было в глазах у них. Позади меня государство мое и все, весь исход зависит только от меня, как буду бороться с врагом моим. Враг стал наступать на меня, также не двигаясь с места стоял я с дружиной моей, он выходил навстречу мне. Я видел, как конь мой чует некий страх во мне, он был готов сорваться с места и бежать, куда хватит сил ему. Враг наступал и был уже близок ко мне. Я хотел взглянуть на воинов своих, посмотреть в глаза им, внушить уверенность свою, обернулся и не увидел никого позади себя, они видно были далеко уже, потому как даже не было пыли по дороге той, по которой мы пришли сюда бить врага. Повернулся обратно и не думал, что так близко рядом был уже враг мой. Коня моего схватили за узду, так что он уже не смог бежать никуда. А враги мои и не собирались убивать меня, несколько их подошли ко мне и пригласили в шатер по приглашению личному

предводителя их. Я не смог отказать им и пошел, сопровождаемый конвоем, пленником. Зайдя в шатер, увидел убранства разного здесь, главарь сидел на ковре и пригласил меня рядом сидеть с ним. Здесь было питья разного на любой вкус, и я не смог отказать, посчитал, что не уважу гостеприимства хозяина шатра, да и победителя моего, ведь он так щедро предлагал мне все. После напитков разных и раз мешанных меж собой, он, главарь врагов, предложил поменять состояние мне, это было что-то дурманное. Стало все меняться вокруг, все стало плыть вокруг меня, и мы смеялись с ним, только не помню, по какому поводу был смех мой. Дальше хлопнул он в ладоши свои, и вдруг появились женщины вокруг нас и стали говорить мне разные прельщенные слова, гладили своими руками голову, тело мое, так что дальше и не помню, что было со мной.

Наступило утро. Солнце слегка стало припекать спину мне. Я почувствовал запах смрадный вокруг себя, хотел поднять голову и не смог, тяжело было мне поднять ее, и старался вспомнить, что было со мной, и вдруг страх пробежал по душе моей, где это я был вчера и что, почему произошло так. Шатра, в котором был, не было нигде. Я лежал посреди поля, а чувство было у меня, что лежу на дне оврага, и лучи солнца, не доходят сюда. Как так, почему, не боролся с врагом моим, почему согласился на приглашение его и ел, пил с ним, когда там страна моя. Господи! Что с ними, они должно быть убиты все! Когда здесь наслаждался я в грехах своих, армия врага пошла дальше на государство мое и разорило его все. Нет коня, бегом бегу в столицу свою. И издалека вижу дым, все догорало, там не было места живого нигде. Дети, женщины, старики лежали убиты, мало было живых да и те, ходили, не понимая что произошло здесь; пока наслаждался в шатре врага, воины его, жгли и убивали всех, кого они встречали на пути своем. Глаза их не видели меня, да и не смотрели они ни на кого, они как будто пытались увидеть свет, а там над ними был только черный дым. Не слышно пения птиц, совсем недавно здесь повсюду раздавался смех.

Я упал на колени и стал каяться в грехах своих, слезы покаяния текли по щекам моим, по развалинам государства моего. Крест, который мы поставили вместе, всем миром на площади, стоял неровно, покосился он, и мне хотелось ровно поставить его, но не было сил у меня, слаб был я. Молись, кайся в грехах своих, от боли в душе говорило мне сердце мое. И вспомнил про старца нашего, молитвенника за нас всех, и побежал к нему, на краю города жил он. Его домик также сгорел, и только первые два венца были целы. Я подбежал к развалинам и никого не обнаружил там, должно быть, они, враги, убили его? И вдруг услышал кашель, он лежал под обломками, не было сил у него встать. Старец вскрикнул. И я поспешно стал откидывать все, что препятствовало сесть ему. Тихо старец стал говорить мне, кротким взглядом смотрел на меня, и перемененно с кашлем, трудно было ему, стал, обхватывая рукою окрестность, на глазах со слезами рассказывать, что произошло здесь.

– Страшная резня здесь была, князь, никого не щадил, убивал враг, крик повсюду разносился по земле твоей, дети все пытались убежать от них, да куда им, так и настигал, убивал, страшно, князь.

Видно было, что старцу трудно было говорить, слезы горькие сжимали горло его.

– Матери закрывали телом своим детей своих, враг же пронзал и тело матери и ребенка насквозь, старики пытались все сопротивляться им, а они рубили их сплеча, смеясь в глаза им. Надругались, князь, они над всем народом твоим, душу, самое сердце разорили враги, все святыни, что были, князь, у тебя, все без страха с радостью сжигали они. И еще, князь, все, когда здесь было охвачено огнем, стон как будто к небу воззвях пронесся по земле всей. Крест обложили дровами на площади, хотели

сжечь. Но не смогли, видимо, Бог, князь, не оставил совсем еще землю твою.

Старец вопросительно смотрел в глаза мои.

– А ты, князь, где в это время с дружиной своей был, почему не защитил страну свою, на поругание отдал всех, кто жил здесь? Они все так верили тебе, любили тебя и были до конца уверены, что ты защитишь их. Не может быть, что ты с ними был, когда здесь убивали они? Не верю, князь, скажи, что это неправда мне?

В ответ ему, голову, склонил свою у ног его. Он только тяжело вздохнул, так было видно больно ему смотреть, не на меня, на последствия мои, качая головой.

– Неси покаяние в душе своей, страха Божьего нет у тебя, князь, все что с таким трудом построил с помощью Божьей, все отдал на поругание врагам, что натворил ты, князь, исповедь, причастие нужно сейчас тебе, Бог простит, Дух Святой покинул вотчину свою, не может Он жить там, где грех живет. Вот Евангелие, крест, Христос невидимо присутствует здесь, кайся, исповедай Ему грехи свои, Он простит тебя, Всемилостив Бог наш.

Стал говорить все грехи, как страшно грешил, гордился и злился на близких всех, ведь это послужило на руку врагам, на пользу им, легче было врагу победить меня, врага испугался, без боя сдался в плен ему, настолько я погряз в гордыни своей, что даже чувствуя беду отказался исповедать грехи свои, от причастия Христовых страшных Таинств отказался я от той же гордыни, думал, что без этого смогу одолеть врага, а если бы сделал так, то была бы победа за мной, и не было бы столько жертв в стране моей.

Старец выслушал меня и сказал мне, что все прощает тебе Господь Иисус Христос, иди и не грехи больше впредь.

– А достоин ли я причастия тела и крови Его?

– Страх стаяй Божий в себе, Господа только бойся одного и знай, что Православие - это Крест Господа нашего нести, все прощать, любить людей все, все терпеть, и воздаст тогда Он тебе, за труды, которые видит Он твой.

И вложил в уста мои старец честнейшую кровь и тело Его, Господа Бога моего. Чувствую, что как будто крылья обретаю за спиной и так легко стало мне, смирение и кротость обрел в душе своей и нет для меня врагов среди братьев, сестер моих, всех я люблю их. Чудо истинное происходит на глазах, стало воскрешать все вокруг меня, столица красуется, даже лучше прежде той, Крест на площади ровно встал на глазах у всех, или кажется так мне. Свет благодати воссиял в стране моей, и слышится смех детей вокруг; пение разносится теплым ветром во все концы; на полях колышется чистым золотом рожь-колыбель души мое; все трудятся, расцветает всё на глазах Его, Бога моего, Дух Святой, слава Тебе Боже, в дом вернулся свой, и благодать улыбой на глазах и устах моих, солнцем светится во все концы мирной и гостеприимной страны Его. Но враг не может видеть радость такую мою, он всеми силами или набегами старается разрушить и поработить того, кто так хорошо чувствует себя и радуясь, молится Богу своему. Стал замечать, что из мелочей начинает сбивать меня с истинного пути враг злой. Я достойно отбиваю набеги его, молюсь, и Бог, слыша молитву мою, помогает мне. Но вскоре стала лень обуревать, стал не так как раньше молиться Богу я, и ссора за ссорой стала происходить вокруг меня. Храм, что так часто после причастия посещал, в тягость был теперь, все или частично надоедать становилось мне. Старец мой, посылал ко мне добрых людей, чтоб пришел молиться в Храм, но я находил предлог, что не могу придти к Нему, так и оставался дома или на прогулке в беседе мирской время беззаботно проводить свое. К Богу обращался теперь с молитвой редко, народ жаловаться стал, что враги разоряют близлежащие города мои, но

до столицы они еще не добирались моей, так и оставался бездействовать на жалобы народа моего. И в день один такой в слезах приходит самый близкий ко мне, Он всегда со мной, только невидимо для меня, через душу Он донес мне, через боль в ней, что враги снова идут войной на меня, и что быть беде снова большой, что постигнет страну мою смерть людей и гибель страны всей - меня, если не предприиму то, что спасет всех.

Я пошел к старцу просить его, что делать, как одолеть врага мне. Старец кротко принял меня, так что мне показалось, как будто это он виноват, не я. Старец опустил глаза. Сказал ему, что делать мне, не могу бороться сам с врагом, трудно мне через лень и ссоры с людьми, он, враг хитрый, борет меня, и страшно бывает мне, когда уныние наводит в душе, ведь после причастия, после двух дней как прошло, я все это время молился помимо правил: Псалтырь читал, поклоны пред образом Бога отдавал, и тут же сразу беседу с осуждением вел, кто и как себя в жизни ведет, кто спасется, а кто нет. Как быть, ответь, если можешь, старец, мне?

– Начнем с того, – стал отвечать он, – молиться начать, Псалтырь читать, и видно думал ты, если больше молиться – сила будет в тебе, так?

– Так, – отвечал я ему.

– И не понимал ты, когда дальше, больше читал Псалтырь, не вникал никак ты в смысл святых слов, все поместил мирским мешал, не по силе взял себе ты труд, а благословение на поклоны кто давал? Стал уставать, сил не хватило у тебя, ты посеял столько, что не смог собрать и отдал, что не собрал врагам своим, да и то, что ты, князь, собрал, не угоден этот урожай Ему. От усталости своей ссориться начал ты, это то, что отдал ты им, врагам своими, со всеми рядом, родными с тобой начал внутри себя ненавидеть их, голод свой ты обращал на них, вместо того, чтоб делиться урожаем с ними своим, со всеми, кто рядом с тобой, так?

– Так, – отвечал я ему.

– Вот отсюда и мысли страшные твои, это враг так внушает тебе, ты сам отдал ему половину урожая своего, сажай столько плода в сердце своем, чтоб смог собрать все, не оставляя ни крохи врагу, на трапезе Господа Бога в сердце своем, лучше поначалу малый урожай, но плоды его нравятся очень всем и тебе, и кто рядом с тобой и, особенно, Бог твой будет радоваться за плод твой. Ты пойми, – говорил дальше старец мне, – для чего, как думаешь, ты живешь на земле? Для того, чтоб не грешить и любить всех? Ах, какой умный он, только слова и больше ничего. Для спасения собственной души на земле и, не думай, что надо как можно дольше прожить здесь, чтоб наслаждаться этой красотой земной. Мы бессмертны, не умрем никогда, вот куда попадешь после смерти ты, все зависит только от тебя, от жизни образа твоего. В Царство Небесное или в геенну огненную, быть с избранными и рядом с Богом быть, или же в вечных муках страдать. Здесь для искупления живем не земле грехов своих, несколько десятков всего лет, терпи, и там вечно будем жить и Бога славить на Небесах в Царствии Его, и ты если будешь делать только то, что необходимо для спасения твоего. Царство это и твоим домом будет вечно там. Стяжай страх Божий в душе своей при мысли одной, что если когда совершаешь грех свой, то лишаешь себя Царства Небесного Его, Господа Иисуса Христа отвергаешь ты. Мир тлен, а там вечная жизнь, здесь мы живем и не хотим разлучаться никогда и думаем, что смерть это конец всего, а если будем жить так, как Бог наш Иисус Христос заповедовал нам, в книге книг Своей Евангелии, то мы встретимся на небесах в Царствии Его и будем вечно жить радостью, которою частично будем обретать на земле, любя близких своих. Ты ведь на исповедь и причастие просто получается о грехах своих поговорить приходишь в дом Его, и через время опять в грех впадаешь свой: так получается, князь мой.

– Так, истину говоришь старец мне. Исповедоваться часто нужно в грехах своих и стараться впредь не повторять эти грехи, ведь тогда молитва становится иной, чище, от сердца будет она. Если хочешь спасти душу свою и обрести вечную жизнь, то должен ты быть готовым всегда, дать беспощадный отпор врагу, это тяжелый и трудный самый путь земной, не хочет враг, чтоб мы спаслись и были вечно живыми на Небесах, но этот труд бесценен в вечную жизнь, так?

– Так! В каждом из нас есть святой человек, нам нужно только через труд свой открыть его, не нужно говорить, что неспособен на то, если есть в нас он этот человек, значит и силы есть открыть его, с помощью Божией нет преград, с Господом нашим гибнет враг. Думай каждый час о смерти своей, если враз и сейчас умрешь, то где ты, по образу жизни достоин быть? И трудись, каждую минуту молись. Ведь великое достижение врага, он нам это многим доказал, то что нет и не было его, заменил себя удовольствием мирским гордынею выбором право за тобой. Выбрал, князь, ты путь истинный, если борят тебя враги, радуйся, значит ты дорогой идешь верною, если б не было врагов на пути твоим, значит ложный путь твой, им не нужен ты, ты и так уже их, если грех путь твой. Ты теперь от мирского уходи, если хочешь душу свою спасти. Мериу в труде великом, по силе бери, постепенно будет урожай твой возрастать, Бог Всемилостив, Он воздаст за труды, ты же, князь, смотри не жди посещения Небесного себе, душу так погубишь в себе. Эти битвы с врагом каждый час идут, кто и сколько их на себя берет, тот дорогою верною к Богу идет, навалились враги на него гурьбой, он молитвою их сжигает святой. Трудно, князь, бороться с врагом, это он, князь, враг шепчет так тебе, выдает себя за тебя. Похоти мирские эти все, только радостны врагу одному, мы же делаем только лучше ему, хуже себе, в аду будем гореть, а исправить мы не сможем ничего, потому как было время на земле, ну а мы здесь только ублажали врага, чтоб ему только было хорошо. Через лень, враг борет нас всех, если лень – это враг труд, он не спит, он всегда в труде, воздается ему – то душа в огне. Враг борется за нашу душу, чтоб погубить ее, а мы без боя отдаем её. Борется враг за душу нашу до конца, но а мы ему рады всегда, надо всем давать врагам отпор, всем трудиться – святой закон, и воздастся тебе за тот труд, благодать ты почувствуешь вдруг и не сможешь её потерять, если будешь трудиться, не спать. Мы бессмертны, не умрем никогда, только будет где наша душа? Вот тебе еще слова, князь; если чувствуешь, что Бога полюбил и подумал, что воздал Он тебе, а увидел вдруг ближних своих, ненавидишь, глупыми считаешь их, это значит ложная любовь к Нему, тут гордыня, князь, на твоём балу. А вот если, князь, ты ближнего полюбил и готов прощения у него просить, значит, князь, и Бога любишь ты, Православный крест, князь, носишь ты. (Православным можешь называться ты.) Враг хитер, логичен, матер. Многие, – замечаю я, – исповедались, пропали в некуда, их потом встречаю в греху. Что не приходишь к Богу своему, исповедаться, причаститься нужно тебе, что томишь так больно душу в себе, но а он мне отвечает одно: как исправлюсь, так приду к Богу в дом, что мне толку, если я с грехом, только выйду от Бога и грех, так что смысла и не вижу в себе. Это он, так шепчет всем, не исправится, а хуже только тем, кто ведомый помыслом врага, польза для него врага одна, через гордость он тебя возьмет, и от исповеди дальше в грех ведет. Зреть всегда свой грех в себе, покаяние нести в своей душе! И себя не ставить свысока, благо ставить ниже всех себя! Надо душу врачевать свою и идти в Храм к Богу нашему. Так Отцы все наши веруют, Православные Святые наши – СВЯТ!

Из слов, сказанных мне старцем, уяснил и совершенно, надеюсь, понял, что бой мой всегда идет, невидимо с врагом моим, нашим общим врагом. И по мере своего приближения к Богу, они, враги, усиливают

силы свои, и вместо того что поначалу они выдвигают на поле брани только отделение войска своего, то дальше они выдвигают взвод, роту, батальон, дивизию, армию свою, пока не сломят и склонят человека к греху.

Бой идет всегда, и цена этого боя высока, она бесценна, в понятии мирском нет исчисления цены, бесценного – Царства Небесного! Только не запутаться и не впасть в то, что ты достоин Его, и уже так сказать одной ногой там, за горделивое, частое участие свое в жизни Церкви; да кто скажет себе, что он такой, работа больше проводится в уме человека над недостатками других, нежели над своими пороками. Кругом напыщенность, прикрытая взглядом верующего, так и хочется сказать: а где здесь православные? Ответ послышится моментально, лицами недоумевающими. Как где? Они вокруг тебя. Сам себе могу задать этот вопрос, и так же спросить себя, кто ты? Святые Отцы Православной Церкви говорят, что с нас довольно терпеть скорби и болезни. Но гордость – совершенный порок наш, не дает жить нам так, и мы еще с умным видом лица, пропитанным гневом, говорим, что даже Бог не осудил бы меня, справедливость, право Его, приписываем себе. Святой Преподобный Силуан Афонский говорит по этому поводу так: «О Боге нельзя сказать, что Он несправедлив, т.е. что в Нем есть неправда, но нельзя и говорить, что Он справедлив так, как мы понимаем справедливость». Это говорит святой человек, к которому являлся Сам Спаситель.

Хотелось бежать, куда бежать? Нет, я не смогу, это невозможно так жить, когда кругом тебя хотят ткнуть, задеть, говорят разные грубые слова тебе, унижить хотят тебя, и я должен промолчать и еще хуже его считать себя, и видеть образ и подобие Бога в нем. Нет, это невозможно никак, это не укладывается вообще в голове моей, и что значит, это сейчас рассуждение мое, помыслы его – врага? Ведь ясно старец сказал, что враг хитер, матер, логичен. А если представить каждого человеком святым, кто навстречу идет тебе, и вместо его недовольного чем-то лица придать ему кротость, смирение, любовь. Снова враг, снова он мне внушает так, как я могу представить себе святого в глазах, когда сам – грех. Уныние уводит при мысли, что у меня не получится. Ты еще молод и у тебя есть здоровье, и, когда оно есть, это здоровье у тебя, тебя, меня очень легко увести туда, где все дышит грехом, но даже это у многих вызывает смех, когда ты начинаешь говорить им о жизни другой и какой ценой жизнь эту можно получить, и здесь снова враг изда- лека закинул сети свои, сам ничего не можешь и еще учить вздумал людей, враги поэтому и смеются над людьми, надо мной, потому ты сам, с этими врагами на себе. Еще так можно сказать (смотри враг, говорит; он с собратом моим, они с ним явно друзья, эти пусть не знают ничего, а этот то знает что-то и умничает, высоко ставит себя, ладно отвечает им тот, кто внушает высокоумие мне, пойдем мы, в самый раз в уныние его вогнать, о нет, сначала пусть поругает их, что мы глупые, тупые они, а потом и грешить будем с ним, он давно не пил спиртного у меня, да и блудить ему в самый раз пора, гордыня – порождение греха! И на этом, видно, расстались враги). Так должно быть происходит все, но то, что происходит это – точно, нег смысла спорить здесь, потому как даже и спор – это порождение врага, что же делать здесь? Явно, что спасет человека, идущего путем спасения – смирение, кротость. Мы как из-за угла всю свою проживаем жизнь и не хотим выйти из него, нас вполне устраивает в ней все. Только хотел повернуться посмотреть что там, а он враг опять тебе говорит: смотри, что еще есть у меня, и я, увлекшись безделушкой глупой, жизнью мирской, снова расстраивая время спасения своего, отвернулся, это мне важнее, от света-Бога. Или же хочешь, и сделал вроде уже полуоборот, он тебя снова по плечу, да что ты, что ты увидел там – это природа, смотри, что есть у меня еще. И мы, как плачущие дети, только плач наш – это гордость, блуд, ненависть, злоба, гонка, чем я хуже, я хочу лучше – меры нет в нас. Некоторых хотят успокоить родители, лишь бы не рыдало дитя их, готовы дать ему то, что заставит ребенка забыть, и он радуется, так и не понимая и не вспоминая слез своих; но то дети и

родители, должно быть, желают только благо, своему дитя, а наши родители получают враги, мы противоположно, через гордость свою отказываем в любви самым близким своим. Гордыня уничтожает все родственные связи в семье, чувства друг к другу, не уступать, спорить, доказывать порой истерически, с криком гнева до пожелания страшного в словах – смерти близким людям, родителя, данными нам Богом. Мы предпочитаем других, тех, которые растлевают нашу душу, они находят нам тех, ситуации те, все, что на протяжении жизни нашей всей, что и причиняют эту боль всему, в себе, через себя семье, лишают СПАСЕНИЯ нас. Враг делает все, лишь бы не спастись нам, мы могли бы быть Там вместе все, семья не расстанется никогда, она будет так же жить, но уже вечно, пребывать в Царствии Небесном. Мы здесь живем всего мирское время, отдавая врагу предпочтение больше, нежели отдаваться заботе о жизни вечной, с Богом, с родителями своими. Враг уведет под предлогом: я взрослый и жить сам буду дальше, но ведь родители не воспитали его и сами не были воспитаны в Боге они, так чтоб идти дорогой одной ко спасению души своей, каяться, и все так же – по плодам нам. Уводит грех, карьера человека, и даже уже он на смертном одре лежит и нужно каяться в грехах своих, просить прощения у всех, мы, к сожалению, говорим со слезами на глазах о сожалении своем, что прожили жизнь не так, что сделали бы все по-другому в ней, что что-то сделать не успели, и это что-то, к сожалению, не к Богу шел и, как выясняется, не успел сделать еще греха, врагу не успел послужить – беда.

Я смотрю на лик Вседержителя иконы святого Андрея Рублева. Лик Вседержителя на иконе, как будто выходит своим ликом кротко, смиренно тебе навстречу, остановился, это стало видно со временем; великая икона Вседержителя, потому как этого не было, когда святой Рублев создавал Вседержителя икону, лик Спасителя меж досок только в наше время являет на иконе это, придает чувство такое. Спаситель задержался на мгновение, посмотрел и, как будто уже уйти хочет, удержаться Ему больно, не может Он смотреть, как мы, живем здесь страшно, и недостойный, окаянный раб кричит Ему: «Господи! Не уходи, молю Тебя, останься». И слышишь где-то в глубине души своей: «Ты останься, это ты от Меня уходишь, это ты желаешь греха больше, ты не уходи от Меня, оставайся». Именно это чувство и возникает, когда видишь Великую икону. А мы, больше пред-почитаем – угол, в котором нам стоять комфортней, угол этот и есть то, во что мы так вцепились здесь и думаем, как бы дольше нам прожить мирскую жизнь на земле; стоять в этом углу и не видеть истины, света. Оттого Вседержитель уводит, что Ему на наши спины смотреть? Он желал бы видеть раскаявшиеся лица наши, слезы покаяния, воскрешение душ наших.

И снова враг, и я пишу и осуждаю нас, значит Промысл это Божий, осуждаю сейчас? Каждого Бог ведет дорогой своей. Как злоупотребляют часто люди, словами этими; если выпить спиртного захотел, или блуд его ведет, или еще что, значит, думает он: это не враг, а Бог его так ведет; не нужно, люди, нам путать дорогу ту – к Богу, с Богом идти дорожкой одной, а в грех впадать – это не к Богу путь. Для начала подготовлюсь к исповеди, к причащению Святых Таинств. Господи, все упование на Тебя, не оставь меня в бою с врагом, и я должен прежде всего нести Крест Бога моего – мой крест – спасение мое. Орудия мои – видеть грех свой, видеть немощность свою, хуже каждого считать себя и любить на земле всех. Как легко об этом умно говорить и как сложно сделать это все.

Старцу, исповедал грехи свои, он причастил, благословил меня.

– Не могу епитимью наложить, потому как сам я грешен, – старец говорит, – и вдруг слезы потекли из кротких глаз его, – с Богом, брат. И старец обнял меня.

Войско собрал свое, на Таинстве Святом! Враг, дозор, – сказал идет на нас. С Богом и мы двинулись вперед, с Божьей помощью разбить врага. И решил проверить здесь ли все, все ли собрались на страшный бой – кро-

тость здесь! смирение! – все здесь со мной, вот мое оружие, и в бой. Бить врага, не растерять бы то, что в трудах тяжелых Бог дает, и не возгордится никогда, хуже всех всегда считать себя. А победы на земле не ждать, нам победа лишь одна нужна, все в молитве Богу отдавать и на Матерь Божью уповать.

Стоит Крест, перед Крестом на коне сижу, на белом коне; черная нечисть приближается к Кресту, хочет причинить боль Ему – Господи, помилуй! На Него лишь надежда моя; стук копытом по земле, отгоняя нечисть вон, от Креста; Господи, помилуй мя грешного, окаянного Твоего раба. Белый конь – это молитва моя, терпение скорбей моих, кротость, смирение мое. Грех любой мой – это мое падение с коня, пожирает враг, топчет меня, когда я пребываю в греху.

Господи, помилуй мя, окаянного, раба Твоего, грешника страшного, за дерзновение мое.

Жил не так давно один торговец, и думал торговец тот, что он верует в Бога, и жизнь эту верующего человека живет даже правильнее тех, которые живут рядом с ним и также как он посещают Храм, соблюдают посты, читают правила, молятся. И у того торговца было два места, где торговал своим товаром он. К нему приходило не так много народа отовариваться, а тут еще другие торговать вздумали, так что к клиентам своим он относился бережно, не желал он и без того скудного к нему посещения лишиться. Был у того торговца один знакомый, занимался тот другим видом торговли, и посещать ему всегда больше нравилось лавку этого торговца, ведь он был тоже человеком верующим, но исповедовал тот другую религию. Отоваривался всегда тот торговец помногу, так что у того всегда после него прибыль чувствовалась. И любил тот заговаривать обычно о религии между делом, пока набирал товару себе, тот его внимательно слушал, даже там, где тот говорил хулу на его религию и Бога, молчал и видом своим соглашался, потому, как и не возражал тому, сам чувствовал, что нужно остановить того, сказать, что тот не вправе судить Бога его, но не смел возражать ему, потому как боялся потерять такого богатого клиента для себя. Набрал товару и расплатившись с торговцем, клиент отправлялся домой к себе, и в напутствие торговцу лавки еще говорил такие слова, чтоб тот одумался, перешел пока не поздно в религию того, в которой был тот. Торговец улыбался ему и говорил, что думает о том, но сам уверен был, что истинный Бог его. (Слова изложенные здесь имеют смысл тот, что нужно было возражать торговцу, но если тот боится потерять клиента своего, то здесь надо было переменить разговор или же избегать его под предлогом любым, но только не соглашаться с тем, чтоб только не потерять клиента для себя).

Солнце, пение птиц, взгляд, любящий тишину, уныние без Бога – потерять всё это и хочется жить здесь всегда и не терять, а только приобретать, лишая пици себя и сна, в том чтоб только приобрести, заполняя свою тоску по тем, кто лучше, живет на земле. Это время наше в том, что так проявляет себя суть и ничто более толкает человека к его концу – к началу жить. Кто-то говорил, что он уговорил человека поступать так, как он не хотел, точнее не знал, что это именно его дело. Когда он хотел слышать слово – «да», он слышал – «нет», когда он показал что это; он слышал постоянно – «да», когда же он устал и хотел слышать слово – «нет», он слышал как приговор слово – «да».

Альберт Деев

Откровения бывшего колчаковца

В ту пятницу мне не удалось уехать домой – автобус забит до отказа, водитель даже не открыл дверь, и окна автобуса закрыты наглухо, так хоть в окно можно залезть, что я изредка и делаю, когда автобус переполнен, и хоть пассажиры первые пять-шесть минут возмущаются, но всё же я попадаю домой. Идти сорок километров от райцентра до своего села – перспективка, скажу по совести, не из весёлых, тем более, что крапает мелкий дождь. Уже около года я работаю в райцентре, снимаю угол у стариков. Угол – это, пожалуй, слишком сильно сказано. В старом, ещё, пожалуй, дореволюционной постройки, пятистенке, сплю, как на топчане, на кровати, застеленной досками, чтобы пружины не продавились. Появляюсь там не очень часто, так как работа связана с командировками, и то прихожу, чтобы переночевать.

А как хотелось попасть домой! Делать нечего. Кое-как приплёлся на квартиру. Дед один, сидит за столом, на столе расчатая бутылка спирта, хлеб, сало, порезанное на кусочки, луковица и разная огородная мелочь.

- Что не уехал? – спрашивает угрюмо.

- Да автобус битком.

- А-а!

Дед налил себе пол-стакана спирта, понюхал, крикнул, вздохнул – и махом перевернул в рот. Закусил, смачно чавкая.

- Слышь, студент, - обратился он ко мне, хотя и знал, что я уже не студент, - хошь, расскажу свою жисть?

Делать нечего. Всё равно электричество не включишь – рано! Много нагорают, не считаешь!

- Давай, рассказывай. – вздохнул я.

- До переворота я хорошо жил! – начал он.

- До какого переворота? – не понял я.

- До Октябрьского, в семнадцатом. – уточнил он.

- Не понял! Это был не переворот, а революция.

- Тебе, голи перекатной, беспортошной, - революция, а для меня - переворот! – со злобой процедил он. – Не перебивай, когда старшие говорят!

- При перевороте государственный строй не меняется, меняется только правящий клан! Это во-первых. А во-вторых, ты поменьше таких выражений говори, как “голь перекатная”! – вскипел я.

Ключие глаза деда впились в меня, ноздри то расширялись, то сужались, лицо перекошилось и приняло багровый оттенок.

– До октября семнадцатого я жил хорошо! Хозяйство было крепкое, одних коров больше десяти голов, отара овец, свиней держал, одних уток, да гусей, как выгоню, бывало, на озеро – воды не видать, про курей не говорю.

– А для чего тебе такое хозяйство? Сам как раб работал, семейных своих заставлял жилы тянуть, батраков нещадно эксплуатировал. Что ты видел в жизни, кроме скотины? Деньги? Какой смысл в деньгах, когда здоровье подорвано?

– Ничо ты не понимаешь! Деньги – власть, сила!

– Эк тебя на деньги потянуло! Ходишь в чём! Всё копишь. А какой смысл? Сам никуда не едешь, домашних не пускаешь, а на деньгах спишь. Ведь есть деньги, а ходишь, как последний босяк. Ну, ладно, продолжай, что ты хотел рассказать?

– Не перебивай! Моду взял. Распустила вас эта власть!

Слухай дальше. Как докатилась волна Совдепии до Сибири, всё, понял я, конец моему хозяйствованию. Колчак пришёл, я сразу к нему, добровольно пришёл.

Конечно, проверили, как полагается, кто я и что я. Полковник расспросил меня обо всём, кто такой, откуда родом. Про хозяйство выпытывал. Я рассказал ему, как на духу.

– Вот что, Николай Сизов, в гвардию самого адмирала запишу тебя: рост у тебя подходящий – сажень косяя, да и сила богатырская. – оцупал меня зорким оценивающим взглядом. – По происхождению ты мужик зажиточный, таких нам и надо в гвардию. Да и конь у тебя – удила как грызёт, да копытом бьёт, любо-дорого посмотреть! Где такого коня достал?

– Сам вырастил! – с гордостью отвечаю.

Записал он меня в гвардию.

И, видимо, испытывая меня, уставился своими сверлящими глазами на меня и произнёс с каким-то удовлетворением:

– Колчаку служил на совесть, не один десяток краснопузых вот этой рукой... – он поднял руку, показывая, что застрелил, а затем резко махнул, как саблей.

Дед продолжал буравить меня взглядом. Я не мог понять, для чего он мне это рассказывает, хмель ударил в голову? Нет, не видно, глаза чистые, без пьяной поволоки, да и речь – не похоже, что он пьян. Или, чувствуя безнаказанность, решил высказаться?

Он хрустнул солёным огурцом.

– Самого Колчака я видел один раз. – произнёс он не то с гордостью, что видел “самого”, не то с сожалением, что всего “один раз”. – Вошёл он в казарму какой-то сгорбленный, походка нервная, не уверенная, я представлял его себе совсем другим. А мы стоим, не шелохнёмся. Немного ему осталось пройти до середины строя, но здесь кто-то в строю свистнул. Поднял Колчак голову. Посмотрел на нас хмуро, а в глазах молнии сверкают.

– Кто свистел!? – грозно спросил он.

Не шелохнулся строй, никто свистуна не выдал. И это гвардия, отборная часть!

Ничего не сказал Колчак, повернулся и вышел, ещё более ссутулившись.

Вскоре началось отступление.

До самого Красноярска я отходил вместе с армией Колчака. Ушёл бы раньше, да одному зимой в тайге не выжить. Был у нас такой Никодим Домовиков, парень неплохой, присмотрелся к нему и решил: с ним можно поговорить.

– Никодим, – говорю ему как-то, – дальше отступать – получить пулю или от большевиков, или от своих же, или попадёшь в какой-нибудь Китай. В заграничье хорошо с деньгами, а денег-то у нас с собой не так много. Давай-ка уйдём ночью от Колчака, а зимой кто нас будет по лесам искать, да и не до поисков сейчас, сколько уже дезертировало! А там, месяца через два-три выйдем, скажем – демобилизованные, мол, и стрелять не умеем, а там, глядишь, и настоящая власть возвернётся.

– И то, Николай, – отвечает, – я и сам хотел тебе предложить отколоться отсюда подобру-поздорову, да не решался.

Ночью, взяв винтовки и набив сумки патронами, мы оставили свою часть. Больше двух месяцев мы проплутали в тайге. Не одного крестьянина хлопнули! На санях-то ехать сподручней, да и быстрее, а мужиков тех кто искать будет в такое смурное время!

Наконец, хорошо спрятав винтовки и патроны, вышли из леса. Арестовали нас, конечно. Дали по трёшке.

Отсидев, возвратился я на родину, сюда, а здесь голопёрдовские всем заправляют, дом мой крестовый забрали, хозяйство всё порушили. Дом свой бывший я вскорости спалил: ежели он теперь не мой, то пусть и большевикам-анчихристам не достанется. Ещё под несколько домишек особо рьяных пустил “петуха”. Объявили коммунию, ну, думаю, сожрут всё, мне поклонятся, ан нет, ТОЗы придумали. А ТОЗовцы – голь перекатная, один другого нище. Говорю одному, в работниках когда-то был, забитый мужичонка, вечный раб, голь перекатная:

– Федотка, вечерять будет, подойдь, поговорить надоть!

Пришёл. А натура холопская. Картуз скинул, топчется подле двери, а я будто не замечаю. Не хватало ещё гольдыбу в горницу приглашать, да за стол сажать!

– Федотка, выпьешь немного?

– Не! Зарок дал не пить, пока работы летние не кончатся.

– Немного. Никто не узнает.

Вижу, хочет выпить голозадый.

– Не буду. Не соблазняй. Говори, чо звал?

- Эх тебя прищучили в коммунии. Никогда не отказывался от выпивки, а тут на тебе!

- Жизнь я учуял. Понял, что и я человек.

Думал, сломаю, заставлю работать на меня, ан нет. Человеком, вишь ли, почуял себя. А ведь был то кто! Вечный холоп! За стакан самогону мог продать отца-мать! А тепер зарок дал! Работает в ТОЗе!

Потом колхозы придумали. В колхоз я вступил, конечно, нельзя мне было не вступать – из “бывших”, у НКВДэшников на заметке, конечно, был.

А там новый начальник НКВД приехал, прежнего-то убили. Встренул я его случайно – и обомлел – наш, офицер бывший! Он меня тоже узнал, но виду не подал. Навёл я справки – под чужой фамилией он! Вона как! А вскоре встренулись мы, зимой дело было, в сумерки, на улице. Холодишша! Подозреваю, не случайно встренулись.

- Ну, вот и встретились! Ты смотри, не проболтайся, кто я, а то я и без “тройки” шлёпну тебя. А я тебе, через верных людей, задания буду давать, на кого донос капнуть, а кого и шлёпнуть. Винт-то не выбросил?

- Как можно!

- Спрячь получше, дома не держи!

- Спрятал. Никакой обыск не найдёт.

- Это хорошо! Винт пригодится.

- А ты-то как, ваше благородие, в начальники попал?

- Не твоё дело! Меньше будешь знать – крепче будешь спать!

У меня от его последних слов мороз по коже пошёл.

- Буду передавать, на кого анонимки строчить. Да смотри, разным почерком чтоб написаны были, жену заставь, сына, людей надёжных. Один почерк не должен быть – примелькается, а ты ведь “бывший”, не забывай. Возьмут в оборот, и я не смогу помочь!

Не одного голодранца подвели мы под монастырь, а одного я сам шлёпнул, другого промазал.

- погоди! Моего отца не ты стрелял? – с ненавистью в голосе прервал я его словоизвержение.

- Не! Не я. Хотя и стоило – несколько “несгибаемых” вытащил от суда “тройки”, хотя сам при этом здорово рисковал. В то время я отбывал срок, “за хищение казённого имущества”. Об этом покушении я знаю, - усмехнулся он, - отец-то твой тогда в райкоме работал.

- Тебя надо бы к стенке! – вырвалось у меня. – Мой дед вас, колчаковцев, в хвост и в гриву колотил.

Бывший колчаковец с яростью посмотрел на меня и сжал стакан в кулаке так, что тот с жалобным хрустом треснул. “Силища! – подумал я. – Такой схватит, и амба”!

- К стенке! Руки коротки! – отрезал он. – Дед твой слабак был, он и не воевал совсем и помер-то рано.

- У меня, как у каждого человека, было два деда. Дед Варфоломей не воевал, но красным партизанам помогал, чем мог. Дед Сергей с Первой Мировой на Гражданскую пошёл, вот он колчаковскую сволочь с земли Русской гнал!

Бывший колчаковец колюче усмехнулся.

- Слухай дальше! Весной сорок первого снова на “казённые хлеба” попал. Началась война.

Ну, думаю, наконец-то большеakov прищучат! А когда немцы к Москве подошли, хотел добровольцем в армию проситься, с Яковом Хлестуновым переговорил, уговорить его хотел, чтобы вместе, значит, перейти к немцам, да он отсоветовал.

- Ты, – говорит, – уверен, что до фронта доедешь, не попадёшь под бомбёжку? А на фронт попадёшь – под немецкую пулю можешь попасть, пуля ведь не знает, свой ты али чужой. А лапы раньше времени подынешь – пулю в спину получишь! Так что сиди, не рыпайся. А немцы придут – освобонят, и жив останешься, ещё и героем будешь – от власти большевистской пострадал, смотришь, начальником каким сделают! Им Москву только от большеakov освобонить, а там этот проклятый Союз, как карточный домик, рассыплется, вот увидишь! Москву они скоро возьмут! Силища-то какая прёт! – уверенно произнёс Яков. – А Москву возьмут, не успокоятся, две-три недели – и всё, война кончится, и наши страдания кончатся.

Мы и списки расстрельные приготовили! Но не сбылись наши мечты. Пришлось нам срок сидеть от звонка, до звонка.

После отсидки я не видел того НКВДешника, может, раскололи его и в расход пустили, а может, и к власовцам подался.

Озлобился я на эту власть шибко – сильна оказалась, окаянная! Гадил я ей всегда, и до конца дней своих гадить буду.

Он замолчал и не произнёс больше ни слова.

Я не хотел оставаться с бывшим колчаковцем, и вскоре шагал под мелким дождём домой.

Сорок километров – не такое уж большое расстояние.

Через несколько дней я нашёл себе другую квартиру и съехал от деда.

Почему дед разговорился, я до сих пор не могу понять.

Владимир Едапин

И был вечер, и было утро

И был вечер, и было утро: день двенадцать тысяч семьсот семьдесят пятый.

«Зачем?» - раздаётся в твоей голове.

Что такое? Плохое настроение с утра? Поздно лёг? Не выспался? Пришлось во сне разгуливать по городу в одних трусах? Опоздал на поезд? Вдруг пропала твоя девушка? Ушла? Искал её и не нашёл? Или нашёл, но с другим? С другой? Вообще давно женщины даже и не снятся? Нет? Так в чём же дело?

По крайней мере, тебе не приходится вставать каждый день на работу. Когда так хочется спать. Когда за окном непогода.

Да, ты боишься вопросов: «Как ты? Чем занимаешься? Работаете? Где? Кем?»

«Да так, - отвечаешь, - в поисках... Пока ничего стоящего не подвернулось». Не просто стоящего, тебе следовало бы уточнить. Тебе вообще ничего не «подвернулось». Ничего.

И что?

А то, что ты - собираешь и сдаёшь пустые бутылки из-под пива. В последнее время. Вот именно так обстоят твои дела. Вот именно этим ты занимаешься.

Конечно, ты вынужден это делать. Чтобы хоть как-то жить. И, конечно, так будет не всегда! Просто надо же как-то перебиваться. Чтобы не умереть. Чтобы встретить завтра утром двенадцать тысяч семьсот семьдесят шестой день своей жизни. Потом двенадцать тысяч семьсот семьдесят седьмой...

Что же делать, когда в твоём захолустье намного проще стать жертвой преступления, чем найти работу. Ну, хоть какую-нибудь.

Семьдесят копеек. Вот цена пустой бутылки из-под пива. Что равняется 0.066 центам США.

Сколько ты их собрал?

А сейчас тебе нужно оторваться от своей вонючей постели, умыться, одеться и пойти сдавать эти гребаные бутылки. Почему? Потому что сегодня не просто двенадцать тысяч семьсот семьдесят пятый день твоей никчёмной жизни, сегодня - день твоего рождения. И пусть тебя никто не спрашивал, хочешь ли ты появляться на этот свет. Пусть тебя никто не предупредил, что в твоей жизни всё будет так хреново, что однажды самый близкий человек назовёт тебя неудачником и плюнет тебе в лицо своей любовью, со временем превратившейся в презрение и ненависть. Пусть. Но ты же человек, а у людей так принято, отмечать свои даты. Даже если на душе у тебя дерьмово.

Твои стеклянные кормильцы ждут. После того, как они были кем-то опустошены и выброшены за ненадобностью, они рады быть ещё кому-то полезными, поверь.

Ты в отчаянии? А ты знаешь, что такое отчаяние? Может быть, это когда вопреки прилипшей к тебе с самого твоего детства привычке постоянно и неустанно ждать какого-то чуда, которое, как ты почему-то твёрдо уверен, обязательно должно произойти в твоей жизни, - ты вдруг начинаешь понимать, что никакого чуда - не произойдёт. Его не будет. Никогда.

Щёлкнуть пальцами перед твоим носом?

Для тебя не запланировано никаких чудес. Пойми.

А как же счастье, спросишь ты? Счастье?!

Ты когда-нибудь видел, как радуется слабоумный? Чему? Да хрен знает. Ну, хоть тому, что тебя увидел. Увидел и счастлив. Понимаешь? Как он вообще может быть счастлив? Не знаю. Но ведь может. А почему ты не можешь?

Пальцами щёлкнуть? А? Да смотри же ты под ноги! Под ними у тебя не дерьмо, а деньги!

Это счастье, нет? Как ты думаешь?

Непонятно - каким образом СЧАСТЬЕ способно вписаться в десятикопеечную монету?

«О, мне повезло сегодня!»

Тебе повезло? Ты на самом деле так считаешь? Нет, ты уверен в этом. Ты рад. Сегодня судьба к тебе благосклонна. Она помнит о тебе. И даже сделала тебе подарок, в виде этих десяти копеек, равных 0.009 центам Соединённых Штатов Америки.

Мелочь! Но...

«Десяти копеек не будет?»

Это вежливо интересуется у вас продавец. Или кассир. Или водитель маршрутного такси.

«О да, конечно! Пожалуйста!»

Что? Я не ошибся? Ты вдруг почувствовал себя состоятельным человеком?... Да? На какую-то секунду! Ты способен залезть в свой карман и достать оттуда эту, пусть и ничтожную, сумму! Ноль целых и девять тысячных американских центов.

Сегодня тебе повезло.

Разве ты сможешь после этого утверждать, что Небеса тебя не любят? Тебе не будет стыдно даже думать подобным образом?

Пусть и не так часто они делают тебе подарки. И пусть даже не такие, как, например, седан «HyundaiEquus», костюм от «Versace» или хотя бы духи от «ChristianDiog»... Десять копеек. Всего лишь. Монетка. С грязного асфальта. Но всё-таки!

Вспомни всех проповедников! Что они вешают, а? «Бог любит тебя!»

Бог любит тебя. Запомни это. Просто, может, кого-то он любит больше... Кого-то меньше.

Разве Бог может так любить, спросишь ты? Почему Петрову он подарил «Мерседес», а Сидорову велосипед? Да, Петров с Сидоровым не одинаково счастливы. Но ведь оба они и несчастливы, каждый по-своему. Разве нет?

Бог любит тебя. Думай так. Так принято. Кому-то так легче.

Или никак не думай. Так лучше. Выбирай сам. Просто сдавай свои бутылки, из-под дешёвого пива, для тех, кто немногим лучше тебя. И пусть это вызывает у тебя такое невероятно огромное чувство стыда.

Щёлкнуть пальцами?

Ты ведь не делаешь ничего плохого. Да, ты неудачник и засранец. Ну и что? Зато теперь вот эта милая и симпатичная девочка, принимающая стеклотару, наверняка сразу отметившая в своей головке: «Ну вот, ещё один неудачник и засранец» - как только ты появился в поле её зрения, протягивает тебе пять мятых купюр. Это деньги.

Тридцать два рубля. С копейками. Или - три американских доллара. Как мало?

На счастье не хватит? А ты купи хоть немного. Смотри, весь мир перед тобой! И он торгует, счастьем, разного качества и в разных количествах. В зависимости от твоих финансовых возможностей. У тебя пять мятых купюр. С копейками. Давай, смелее, сегодня ведь твой день!

И для начала: водка 50 г - 1.50.

-Водки! Пожалуйста.

-Простой? - спрашивает продавец.

-Да, - отвечаешь ты, - простой.

Разве это счастье, спросишь ты? Да, конечно, нет! Просто это самый доступный способ забыть о несчастье, хоть на время.

Идём дальше? Смотри, выбирай! Но не забывай о своих возможностях.

- один доллар США – 10.60.
- батон «Фирменный» 400 г – 2.35.
- чай чёрный «Граф Суворов» 50 г – 5.00.
- пиво «Старая крепость» светлое 11% 0.5 л – 7.10.
- сигареты «Луч» овальные, без фильтра – 2.00.
- маргарин сливочный «Домашний» 200 г – 4.50.
- банка килек в томатном соусе 240 г – 4.50.
- крупа пшеничная 1 кг – 4.80.
- набор суповой 1 кг – 8.80.
- лапы куриные 1 кг – 7.00.
- набор для собак 1 кг – 7.50.

Выбрал?

Да, и возьми граммов двести карамелек, к чаю. Вместо сахара. И будь счастлив! Сегодня ведь твой день.

Григорий Ермолаев

Безмолвие

(рассказ - притча)

I. Снаружи

Огрубевшие подошвы сапог глухо ударялись о каменистую почву. Неприметного цвета балахоны, облежавшие крепкие тела, колыхал ветер. Несмотря на это, фигуры двигались не спеша, чинно, непоколебимо. Носильщиков было шестеро. Шли молча, без лишнего звука, по очереди перешагивая, если понадобится, крупные валуны. Мелкие камни то и дело отскакивали от ударов обуви и со стуком скатывались в ближайшие щели, ямки, низины. Движения ног составляли равномерными складками перекатываться длинные, до земли, подошвы. Жилистые кисти рук, от долгой натуги посеревшие, крепко сжимали массивные металлические

рукояти. Другой рукой каждый носильщик поддерживал первую или подпирал дно громоздкого чёрного ящика, водружённого на плечи. Ящик выглядел большим, туда мог бы поместиться высокий коренастый человек в полный рост, если бы его туда кто-то положил. Цвет потёртых механических ручек, прикрепленных по бокам, определить было затруднительно. Видимо, расшатавшись, они нарушали тишину равномерным пронзительным поскрипыванием. Чёрная запылившаяся ткань, которой был обтянут ящик, местами протёрлась до дыр, местами - загрязнилась и залоснилась. Вполне может быть, что ящик повидал немало, и пользовались им ни единожды.

Шагах в десяти позади носильщиков двигалась ещё одна фигура, внешне почти ничем не отличающаяся от шести предыдущих. Разве что примечательным был предмет, напоминавший керосиновый фонарь, который идущий держал в руке за кованое кольцо сверху. Стёкла фонаря с четырёх сторон отливали тусклой желтизной. Балахон этого персонажа, исполнявшего, кажется, в процессии главную роль, шит был, как и у остальных, - из грубой парусины. Поступь у него была такая же уверенная, чёткая и, в то же время, - размеренная. Голова утопала где-то глубоко в капюшоне, так что наружу выглядывало не лицо, а - чёрное пространство; силуэт лица был неразличим, контуры - неопределённые.

Фигуры, их походка, и даже выражение их лиц, недоступных взору, были настолько невозмутимы, целенаправленны, что, казалось, сам неотвратимый порядок вещей движется их ногами. Каждая деталь, каждый мельчайший их жест были лишены живости, несли в себе отголосок какого-то недоступного и неумолимого значения, исключавшего любую возможность спонтанного порыва. Эта грубая, от шага к шагу, целенаправленность, которой совершенно чужды эмоции, могла даже показаться пугающей, более того - ужаснущей.

II. Изнутри

«Отвратительная жуткая тьма, отвратительная изнуряющая неизвестность!»

Лежащего целиком объят немой ужас, он не мог объяснить и уж тем более - принять происходящее. Хаотично, поражая убийственной ясностью и остротой, мелькали мысли: «Необходимо вырваться, восстать против происходящей со мной нелепости, оттолкнуть её от себя. Это противоестественно! Я не приемлю, нет!» Человек начал биться ногами и руками изо всех сил. Он вложил всю глубину своего отчаяния в попытку разомкнуть кольцо этой жестокой бессмыслицы... Удары его гасли в чём-то мягком, вязком и, вероятно, поглощенные внутренней поверхностью, даже не приводили к дополнительной качке или движениям ящика. Спустя какое-то время он выдохся, сопел, дышать стало тяжелее, кислорода в ящике было не так много. Сердце, казалось, было готово выпрыгнуть из груди. Лежащий переживал минуты, которые он бы не сумел ни пересказать, ни даже выразить. Мука была столь остра и болезненна, что он вновь с криком и остервенением изо всей мочи упёрся коленями и ладонями в верхнюю стенку ящика. Это был предел... предел всего, что только может испытать живая душа. Наконец, руки в бессилии опустились, ударившись о мягкую поверхность, и человек снова ощутил размеренное покачивание ящика. Казалось, вся агония его напряжения ничуть не повлияла на происходящее...

Теперь лежащий впал в оцепенение. Это было невыносимо, но он никак не мог повлиять на свою участь. Оставайся даже он невозмутимым, он не смог бы и предположить удовлетворительных, мало-мальски ясных объяснений и этому ящику, и этому мерзкому, подлому, поглощающему усилия и звук покрытию; этому тошнотворному покачиванию, жуткому - как будто холодный клинок медленно вдавливают в тело...

«Смириться, - шептал человек, - да, смириться. Ничего нельзя изменить, я затаюсь, я сделал всё, что мог... Я буду просто лежать здесь и ждать, мне больше ничего не остаётся...» Он продолжал ощущать равномерное покачивание, в голове хаотично путались какие-то воспоминания и мысли, звучали знакомые мелодии, возникали лица, которые он помнил... Ощущение ужаса постепенно притуплялось, и лежащему нравилось это возникающее бесчувствие, ничего не могло быть отраднее. Он бы всё отдал за то, чтобы ничего не чувствовать и не ощущать вовсе. Сердце его ещё временами натужно вздрагивало, слух реагировал на скрип, доносившийся снаружи; но, кажется, он привыкал...

Сознание его прояснялось, он мысленно отделялся от этого абсурда, он начинал воспринимать его как нечто объективное, от него не зависящее. Это был последний способ сохранить в себе хоть крупицу здравого рассудка и жизнь. Пытаясь успокоиться, он стал слегка покачиваться из стороны в сторону и рассуждать, говорить с собой:

«Бунт... смирение... - какие глупости, тщета... Как недалеко и неглубоки бываем ещё мы, люди, в своих прозрениях и порывах! Эта великая, невозмутимая данность, для которой невозможно подыскать приемлемого разъяснения и адекватной реакции, не предполагает моей реакции в принципе: ни смирения, ни неприятия, ни, даже, - безразличия. Это данность безлична и любой мой ей ответ или эмоциональный диалог с ней, любое моё к ней отношение будет ещё большей нелепостью, чем она сама... Как я до сих пор не понимал этого?!»

Он продолжал лежать, повернув набок голову. Безразличие, бесчувствие – единственное, что сейчас его интересовало, единственное, что представлялось достойной целью...

III. Разъяснение

Почва под ногами становилась вязкой, камней и глины больше не попадалось, массивная обувь носильщиков ступала по черной мягкой земле, шмотами грязи облепленной грубые сапоги. Но процессия продолжала двигаться, шаги не теряли своего напора...

Спустя какое-то время глухим, с хрипотцой, голосом фигура с фонарём скомандовала носильщикам остановиться и опустить ящик на землю. Равномерными чёткими движениями, под скрип металлических рукоятей, носильщики установили ящик в лоно податливой чёрной земли.

- Приступайте! - скомандовал державший тусклое керосиновое светило... Носильщики отошли на небольшое расстояние от ящика, подобрали лежавшие на земле лопаты и начали копать.

- Да, кто-нибудь, отворите гроб! Я хочу убедиться, что лежащий мёртв и справедливость наших действий не подлежит сомнению...

Один из бригады в балахонах, воткнув лопату в землю, отделился и подошёл к ящику. Наклонившись, он отпер со щелчками крепкие металлические защёлки по бокам и отворил массивную крышку, испустившую глухой треск.

Яркий, по сравнению с темной запертой ящика, свет ослепил глаза лежавшего; ноздри его, жадно сопя, захватывали свежий воздух. Он медленно поднёс руки к лицу, потом начал потихоньку садиться, оперевшись о края ящика... Носильщик, исполнив указание, пошагал в сторону копавших и немедленно к ним присоединился. Сев, находящийся в ящике начал приывать к свету и разглядывал возвышавшуюся рядом фигуру с фонарём. Он несколько оживился и тут же залепетал

- Как я рад! Это какая-то ошибка... Послушайте, это какая-то ошибка! Какое счастье, что вы додумались открыть... Я уже не надеялся... Я живой, жи-во-ой, - истерически со слезами захохотал сидящий...

Ответа не последовало, руководитель процессии, как будто ждал, когда человек успокоится. Тот поначалу не унимался, потом, оторопевший от молчания фигуры в балахоне, прекратил говорить и, всхлипывая, стал всматриваться в чёрное пространство под балахоном.

- Ты мёртв! – раздался глухой голос управляющего. - И ко всеобщему облегчению, это не подлежит теперь никакому сомнению.

- То-о е-е-сть ка-ак – мёртв?! Вы рехнулись?! – и сидевший встал, выскочил из ящика и задвигал руками и ногами, демонстрируя то, что он жив; глаза его одновременно с непониманием и надеждой смотрели на управляющего. - Я жив! Смотрите, я двигаюсь, я... Я говорю, в конце концов, ведь не слепы же вы?! Ведь только живой может говорить и двигаться!

- Твои суждения необъективны. Всем нам и мне, как управляющему, совершенно ясно, что ты мёртв. Этот факт не подлежит пересмотру и обсуждению...

Человек зывающим жестом протянул руки, перестал двигаться и окаменел, выпучив глаза:

- Но, но ка-ак?! Не-ет! Нет! Вы не по-оня-яли...

- Я как раз всё прекрасно понимаю. Это ты, вероятно, ещё не до конца осознал происходящее... Объективность наших и моих, в частности, суждений несомненна. Лучше послушай меня! Первое, происходящее с тобой совершенно очевидно, в чём всякий мало-мальски вменяемый не усомнился бы ни на секунду. Второе, справедливость наших действий не подлежит обжалованию ввиду ясности происходящего. Третье, похороним мы тебя здесь, потому что мертвому нет места среди живых, и не должно, чтобы мертвец здесь бродил и смущал своим видом. Четвёртое, вести себя адекватно в твоих же интересах, ведь не хочешь же ты, помимо прочего, ещё и опорочить себя непониманием и непризнанием справедливости и очевидности?! Это было бы в высшей степени глупо и преступно. И, - пятое, - похороним мы тебя без гроба, ввиду необходимости и обстоятельств, иначе не в чем будет переносить других мертвецов...

Вставший из ящика истонно закричал: «Не-е-е-ет!» - и бросился наутёк, продолжая вопить: «Это не-ле-по-о! Не-е-е-ет! Они все сумасшедшие!»

Мгновенно двое носильщиков бросили лопаты и огромными размахистыми шагами настигли беглеца. Они схватили его под руки и силой повели назад... Беглец трепыхался, бился и орал, однако носильщики обладали чрезвычайной силой и крепостью, так что все его усилия остались бесполезными, и он повис, волоча ноги по земле.

- Несговорчивые же нынче пошли мертвецы! – прошептал в сторону руководителя. - Эй, несите его обратно и держите крепче!

Таща беглеца за руки, носильщики приволокли его к ящику и повернули лицом к фигуре с фонарём.

- Я же говорил, что твоё сопротивление может только усложнить дело и отнять лишнее время у сил абсолютно беспристрастных и объективных. К тому же, - в сущности - никакого сопротивления и быть не может... У тебя нет никаких оснований не доверять нам... - он повернул голову к копавшим, - Скоро там у вас?!

Не отрываясь от лопаты, один из носильщиков проговорил:

- Ещё минут десять, господин управляющий, не больше!

Человек, которого удерживали, конвульсивно вздрагивал и, казалось, уже ни на что не реагировал.

- Придётся нам ещё потолковать... - проговорил управляющий, обращаясь к беглецу. - Ты совершенно напрасно сомневаешься в том, в чём сомневаться не стоит...

- Чёрт! Вы меня хотите закопать живым, а я ещё, может, и помогать вам должен, и доверять вам, и соглашаться с вашими доводами?!

- Неужели ты думаешь, что обратное имело бы хоть какой-то вес и нужные для тебя последствия?!

- А если вы меня зароете живым, - это будет иметь «нужные» для меня последствия?! Вы все сумасшедшие! Все семеро!

- Любые последствия наших действий будут для тебя полезней тех глупых мыслей, что ты смеешь высказывать...

- Я двигаюсь, я дышу, - по-вашему, - это не аргумент?! Я же говорю: я живой!

- Жи-во-й... - глухо захохотал управляющий. - Не нужны тут никакие аргументы и доказательства, довольно одного компетентного взгляда и мнения, каковое каждый из нас уже составил... Да и все твои нелепые аргументы и попытки больше свидетельствуют о нашей правоте, нежели о чём-то бы ни было,... ну, разве что, - о твоей недалёкости и дерзости, которая, не

находись мы в таких обстоятельствах, без сомнения заставила бы нас отреагировать соответствующим образом...

- Вы решили, что если в ваших руках власть, то уж и любые факты и аргументы будут на вашей стороне?! Это несправедливо! Это бред!

- Вот именно, - бред! Бред в том, что ты всё ещё сомневаешься в очевидном; а о справедливости таким людям, как ты, уместней было бы не закатываться вовсе... Тебе и так уже позволили сверх того, что должно. И если ты и вправду был бы жив, боюсь, ты едва ли смог хоть как-то оправдать своё сомнительное положение.

Опустив голову, беглец жутко захохотал, искажая лицо гримасами, дико всхлипывая и взвизгивая. Хохот его то становился громче, то вновь неожиданно стихал... И было в этой позе, в этих жестах, в то и дело закатывающихся глазах, в этом смехе что-то настолько глубоко трагичное, почти немняемое, настолько нелепое и, одновременно, - очевидное, что смех этот не мог прекратиться... Было в нём что-то, о чём лучше молчать, ведь слова были бы бессильны...

IV. Торжество

- Готово, господин управляющий! - отрывисто выкрикнул один из носильщиков.

Человек, которого собирались похоронить, продолжал хохотать. Руководитель сделал короткий жест копальщикам, приподняв руку, и они выстроились по периметру вырытой ямы, держа лопаты перед собой...

- И последнее, - торжественно заговорил управляющий, - Я надеюсь, ты осознаешь, какая это для тебя честь - получить подобное предложение и понимаешь сопряжённую с ним ответственность. Мы тебе настоятельно рекомендуем, - хотя, естественно, твой отказ ничего не изменит и, конечно, не мог бы изменить, - признать безусловную справедливость и несомненную закономерность наших действий. Тем самым ты имеешь возможность засвидетельствовать и подтвердить ту вероятность, что ты хотя бы в самой ничтожной степени достоин соприкоснуться с такими непреложными истинами как очевидность, справедливость, объективность, - в нашем лице. Одним словом - с чем-то по-настоящему фундаментальным и вечным, независимым от предположений, пересудов и домыслов.

Чернота испытующе взирала на обречённого из-под капюшона управляющего. Человек, захлёбываясь, несколько раз громко всхлипнул и замолчал, словно булавку на цепи, - свесил потяжелевшую голову. Шли секунды ожидания. Человек ничего не отвечал и всем телом замер. В мыслях его последний раз прорисовывались и проявлялись какие-то отголоски трезвых и чётких суждений, стройно выделявшихся на фоне сумбура и помешательства внутреннего естества: «Нет. Нет. Я не стану отвечать. Эта данность глуха и слепа по отношению ко мне; я отплачу ей тем же. Ни яростные крики, ни кроткий взор не могут иметь хоть какой-то вес - нет! И то, и другое эта «справедливая закономерность» обратит в свою пользу. Это всегда было одним из её непреложных правил. Нет, я не стану играть в эти жестокие и безумные игры; я не буду играть по их правилам, тем более, что сами они освобождены от необходимости отвечать за произвол собственной власти. Нет, - я отвечу нелепостью на нелепость, безмолвием - на безмолвие, диким яростным смехом - на то, что в сущности и было бы достойно смеха, не имея оно столько власти, власти трагичной для осознающего её суть. Безмолвие - всё, что мне осталось... Единственная возможность не позволить реальности навязать постыдный для человека диалог с собой. Единственное средство оградить последнее, что осталось, - и без того уже растоптанное человеческое достоинство и помрачённый рассудок от её холодного вандализма. Единственно возможная попытка отстоять последний рубеж и оплот минимальной исчезающей независимости. Единственный

способ, находясь под её властью, - не признавать справедливости и объективности этой власти; последнее средство хоть в оставшиеся мгновения возвыситься над ней и выразить своё презрение... Но они и это обернут на пользу себе, иначе и быть не может. Они и моё безмолвие обратят в своё торжество. Тогда, тем более, безмолвие - самое достойное, что только я мог бы предпринять...»

Человек поднял голову и беспристрастным взглядом, взглядом существа, которое вскоре уже нечего будет терять, обмерил управляющего, вперился в чёрное пространство, которое не удостаивало человека даже проявлением своих черт, - черт того «вечного», о котором вёл речь управляющий. Так и замерли: с одной стороны - чёрная, холодная, неидентифицируемая и всемогущая мгла под балахоном, с другой - смотрящий и безмолвствующий человек в последние, полные отчаяния, секунды своей жизни.

- Заканчивайте! - махнул в сторону могилы управляющий и отвернулся.

Носильщики поволокли человека к месту его захоронения. Подтащив его к яме, они толкнули обречённого туда, тут же подхватили лопаты и начали забрасывать могилу землёй. Другие четверо, стоявшие по периметру стали делать тоже самое, то поворачиваясь к кучам с землёй и цепляя её лопатой, то - к могиле, сваливая грунт с массивных плоских клинков.

Человек лежал на дне. Не двигаясь, прямо, ничем не демонстрируя своё участие в происходящем, замкнувшись в своём безмолвии. Тяжёлый грунт больно ударял его по телу, бил прямо в лицо, засыпался в ноздри и глаза, неподъёмным и беспощадным прессом вдавливал. Дышать становилось всё сложнее и сложнее, шевелиться было уже невозможно, проглядывавший поначалу свет сменила земля, чёрная и тяжёлая...

Забросав могилу, носильщики положили лопаты и отошли. Один из них вернулся и воткнул ветвь, чтобы не спутать места, использованные для захоронения, с землёй ещё для этого пригодной. Они дружно подхватили гроб, как раньше, - размеренно двинулись в обратном направлении. Управляющий шагнул сзади и, вздохнув с облегчением, произнёс: «Ну, наконец-то, - торжество жизни!»

Дмитрий Базанов

Извлечение камня

Яркое летнее солнце заливало столики небольшого уличного кафе. Теплый ветер свободно гулял по оживленной улице. Из небольшого скверика, отделенного от улицы ажурной кованой решеткой забора, доносились голоса играющих детей и их веселый смех.

За одним из столиков, положив костистые руки на успешную уже выгореть под солнцем скатерть, сидел пожилой, прилично одетый господин, поглядывая изредка на прохожих из-под кустистых бровей.

Сидел он так уже довольно давно; недопитая чашка кофе успела уже остыть.

Господин явно кого-то ждал. Он поглядывал на часы и степенно отпивал из чашки, промокая каждый раз губы салфеткой.

В тот самый момент, когда он в очередной раз поднес ко рту уже полупустую чашку, на левое его плечо, подбитое ватой серого пиджака, легла нелегкая рука. Прикосновение не было грубым - крупная ладонь опустилась плавно, придав ему некоторую интимность.

Пожилой господин улыбнулся, причем улыбка тронула его губы за мгновение до того, как на плечо опустилась рука.

-Майк! - воскликнул он.

-Питер!
Рука принадлежала среднего возраста невысокому мужчине без особенных примет, разве что руки его были чуть больше, чем можно было ожидать при его росте.

-Привет, дружище! – Питер тряс своей костистой рукой крупную руку Майка. – Сколько лет, сколько зим!

-Да уж, давненько не виделись...

-Здравствуйте, дядя Питер, – раздался вдруг негромкий голос.

Питер резко обернулся. Рядом с ним стоял нескладный молодой человек лет двадцати, со следами юношеских гормональных бурь на скуластом лице.

«Откуда он взялся?» - промелькнуло у Питера в голове.

-Питер, помнишь Джошуа? Мой племянник, он был твоим пациентом три года назад.

-Здравствуй, Джош. Здравствуй, мой мальчик...Ты изменился. Возмужал.У тебя все в порядке?

-Вполне, – ответил за молодого человека Майк. – Джош поступил в университет. Он хочет стать психиатром. Как ты, Пит.

При этих словах Питер чуть нахмурился.

- Что ж. Это его выбор...Присаживайтесь.

Майк позвонил официантку и заказал пива. Некоторое время они говорили о всяких мелочах, которые обычно предваряют любой важный разговор, причем Джошуа больше молчал, и отвечал односложно, когда Питер его о чем-нибудь спрашивал.

-Мы пришли к тебе по делу, Пит, – сказал Майк, опорожнив кружку пива. По важному делу. Мы с Джошуа хотим открыть клинику.

Брови Питера поползли вверх.

-Клинику?

-Да, именно. Психиатрическую. Мы хотим, чтобы ты был главным врачом.

-Интересно...Но почему же вам понадобился именно я?

Вместо ответа Майк полез во внутренний карман пиджака и достал крохотный стеклянный пузырек, наполненный темно-бурой маслянистой на вид жидкостью, с тщательно притертой и засургученной пробкой.

-Неужели это...

-Да-да, Пит. Это он. Схизис. Продукт мышления, нефильтрованный, темный.

-Почему это у тебя Майк? – Питер нахмурился. – Когда я извлек это из Джошуа три года назад, я строго-настрого велел захоронить, закопать, уничтожить...

-Это не мое, дядя Питер. – Странно улыбаясь, сказал Джошуа.

-Майк, боже мой...уж не хочешь ли ты сказать, что...

-Да. Да. Мы с Джошуа извлекли это из одной пожилой леди. Весь процесс занял четыре месяца, мы совершенно измучились – правда, Джош? -, а леди и вовсе едва не сыграла в ящик.

Но мы добыли схизис.

Питер внимательно смотрел на сидящих перед ним мужчин. Резко встал.

-Я думал, вы порядочные люди. Бог вам судья. Прощайте.

-Пит, стой!

Майк схватил Питера за рукав.

-Ты не знаешь от чего отказываешься! Не представляешь, какие выгоды нам принесет это предприятие! Только подумай – Майк заговорил быстро, в глаза его появился блеск. – Ведь мы сможем не только лечить душевную болезнь, но и заражать ей! Мы сможем сделать безумным любого! Даже одной сотой грамма, распыленной в воздухе, хватит, чтобы посеять панику, смуту в целом городе! Мы проводили опыты на

приматах – это было потрясающе! Нам с Джошем понадобилось четыре месяца, чтобы добыть одну унцию схизиса. Ты извлек из Джоша полпинты за три дня. У тебя дар, Пит. Ты- мастер. Без тебя нам не справиться.

-Нет Майк. Ты не понимаешь. Я клялся перед богами – слышишь, не перед христианским Богом даже, а перед древними языческими богами – что не принесу вреда человеку своей работой.

-Это твое последнее слово, Питер?

-Да, Майк. Я не ожидал от вас с Джошем такого.

- Что ж...

Майк и Джошуа быстро переглянулись.

Молодой человек проворно выдернул из рукава шприц-ручку и ловким движением вонзил чрезвычайно острую иглу в бедро Питера. Майк своими крупными руками усадил мгновенно обмякшего Питера обратно в кресло. Закурил.

-Пит, Пит...Старый добрый Пит. – Майк внимательно смотрел на пожилого человека через сигаретный дым. – Позволь мне открыть тебе один маленький секрет. Схизис, попадая в организм, не только вызывает тяжелое душевное заболевание. Внутри человека, уже сведя его с ума, он способен увеличивать свой объем. Когда мы вводили обезьяне один грамм, на выходе получали десять! А твой разум, что греха таить, гораздо лучше обезьяньего, так что я надеюсь, Пит, что из тебя мы выдоим гораздо больше.

-Я вколол вам свой схизис, очень малую дозу, дядя Пит. Возможно, вы сохраните рассудок. На каком-то уровне... Простите нас.

Последних слов Питер уже не слышал. Его сознание распалось. Из жаркого летнего дня, с оживленной улицы, благословенной детским смехом из-за ажурной решетки скверика, он попал в свой кабинет, в хмурый осенний вечер.

Питер лежал на кушетке, связанный по рукам и ногам. Голова его была зажата в чем-то вроде металлических тисков. В поле его зрения попадало только тяжелое, набрякшее дождем пасмурное небо в высоком окне без штор, и увеличенная репродукция картины Босха «Операция с камнем».

-Расслабьтесь и ни о чем не думайте, Джошуа, – услышал Питер свой голос откуда-то сверху. Предупреждаю - будет больно.

Что-то очень холодное и острое прикоснулось к его темени.

-И запомни, – прорвался через подступившую уже боль голос. - Запомни накрепко! Все, что я извлеку из тебя, ты должен скрыть. Если это носит в себе безумец, оно не опасно. Не дай Бог, это попадет в руки к невеждам.

Неизвестное

-Готовность десять минут. Испытателю-26 принять транквилизаторы, - передал Первый по громкой связи.

Я закинул автомат за спину, закатал рукав огнеупорного комбинезона и ввел в предплечье несколько миллилитров прозрачной жидкости из шприц-ручки. Присел на длинную узкую скамью, протянувшуюся вдоль стены длинного узкого коридора.

С обоих концов коридор был ограничен металлическими дверьми, закрытыми на кремальеру, прочными дверьми несокрушимого бомбоубежища. Из одной, по правую руку, я вошел в коридор, за ней остался Внешний мир. В другую, по левую руку, я войду через десять минут. И ждет меня там Неизвестность...

Транквилизатор действует. Мой чуть затуманенный взгляд потерянно блуждает по равнинному ландшафту облупившейся краски противоположной стены; падает на пол под грузом своей бессмысленности; попадает на мятый тетрадный листок, исписанный неровным почерком. Как я не заметил его раньше? Когда я вошел, в коридоре было абсолютно чисто...

«Это место(зачеркнуто) пространство совершенно не поддается никакому пониманию. Оно отстоит от нашего(зачеркнуто) привычного нам(зачеркнуто), (неразборчиво). ...Описать здешнее существование ни на одном из языков Земли невозможно, настолько оно отлично от всего, что видит, слышит, чувствует Homo Sapiens в своем родном мире. Как если бы пришлось объяснять глухому от рождения человеку отличия «Реквиема» Моцарта от, скажем, «Реквиема» Верди.

Это абсолютная Ding an sich...»

-Пять минут. Готовность пять минут. – Громкая связь.

Чуть кружится голова.

Критикан: зачем посылать туда живых людей? Ведь есть же роботы... Это все равно что отправить Homo Sapiens на Марс своим ходом, без ракеты. Чтобы он оттуда камушек привез, ага.

Я: ты же знаешь, что все программное обеспечение, в том числе для роботов, работает постольку, поскольку работает алгебра логики. А Там она не действует, Там нужен живой разум, а не его логический протез...

-Две минуты готовность. Испытателю-26 пройти в шлюз.

Я с трудом отвалил бронированную дверь, шагнул через порог и оказался в крохотной комнатке, тускло освещенной единственной лампой в решетчатом плафоне. Прямо напротив меня находилась еще одна дверь, совершенно простая, обитая древним, ободраным дерматином. Дверь Туда.

-Герметичность.

Шлюзовая дверь отсекала меня от коридора.

Интересно, я еще Здесь или уже Там? К какому миру отнести эти несколько кубометров реальности?

-Испытателю-26 надеть средства защиты.

Я натянул противогаз.

Критикан: ответь мне тогда: почему ты идешь с оружием? Зачем тебе этот дурацкий огнеупорный комбинезон? Противогаз? Транквилизатор – чтобы защитить твою психику? От чего? Тебе ведь абсолютно неизвестно, что встретит тебя Там, какие тебе потребуются меры предосторожности. И разве годится человеку идти в Неизвестность с закрытым забралом?

Я: А разве первобытный человек шел во вновь открытую пещеру с голыми руками? Разве не торговали между собой древние народы, передавая товары на острие копья? Неизвестность страшит. Неизвестность, куда ступаю я - страшит вдвойне. Считаю, что все мои меры предосторожности – это рудимент человеческой истории...

-Готовность тридцать секунд. Начинаю отсчет. Двадцать девять...

Мой взгляд через мутноватые стекла противогаза различил строчки на мятом листке:

«...два абсолютно разных отрезка пространства-времени. Возможно, Здесь и Там существуют в противоположных рукавах закрученной бесконечной гравитацией своего центра галактики, они различны как свет и темнота, как явь и навь, тональ и нагваль...»

-Десять, девять, восемь...

...и никогда им не встретиться в пространстве – времени, во веки веков, в парсеки парсеков.

Испытатель 25»

-Три, два, один...

Кейс-кокон

-Wir werden frei...

Л. ван Бетховен, «Фиделио», хор заключенных.

УТРО, не очень далекое будущее.

Кейс-кокон: Доброе утро. Вас приветствует индивидуальный кейс-кокон человека младше-средней возрастной группы, индивидуальный номер 93484-КК

Человек: Доброе...

Кейс-кокон: Прослушайте сводку новостей...

Человек (зевая): Не надо.

Кейс-кокон: Правильное решение. После прослушивания новостной сводки ваш уровень стресса увеличивается на тридцать процентов и трудоспособность в первой половине рабочего дня снижается на тринадцать процентов.

Кейс-кокон: Напоминаю о необходимости приобретения для меня бронированных экранов в связи с увеличением опасности террористических актов в текущем месяце на сорок пять процентов.

Человек: Я помню.

Кейс-кокон: Также у меня имеются следующие технические проблемы...

Человек: Давай хотя бы не за завтраком?

Кейс-кокон: Во время приема пищи ваша внушаемость возрастает на пятнадцать целых одну десятую процента. Выше шанс, что вы не проигнорируете мои советы.

Человек: Можно подумать, я тебя когда-нибудь игнорировал...

Кейс-кокон: Поступило входящее смс-сообщение. Цитирую: «Доброе утро зая точка. Как твои дела вопросительный знак. Очень соскучилась точка» Конец цитаты.

Человек (с набитым ртом): Угу.

Кейс-кокон: Напоминаю о нежелательности контактов с данным лицом женского пола, поскольку, по сведениям, полученным мной из социальной сети кейсов – коконов, разъемы принадлежащего ей кокона не соответствуют моим разъемам, и контакты потребуют приобретения дополнительных переходных устройств...

Человек: (равнодушно): Заткнись.

Кейс-кокон: Обращаю ваше внимание, что возможное лечение негативных последствий нежелательных половых контактов может серьезно подорвать работоспособность.

Человек: (раздраженно): Заткнись. Ты будешь мне указывать, с кем спать?

Кейс-кокон: Конечно! Здоровье человека, в том числе здоровье сексуальное – залог работоспособности и гарантия многочисленного и здорового потомства. Прослушайте обязательную лекцию о гигиене половых отношений и их влиянии на работоспособность человека...

ДЕНЬ

...и достигли огромных успехов в контуре человек-машина. Использование индивидуальных кейсов-коконов нового поколения за последние десять лет не только снизило риск бытового травматизма на девяносто семь процентов и смертности людей в трудоспособном возрасте на сорок девять процентов, но и повысило работоспособность на сто двадцать процентов,

снизило общую заболеваемость на тридцать один процент, а риск производственных травм свело к нулю. Внедрение кейсов-коконов в повседневную жизнь способствовало росту валового внутреннего продукта в три раза за предыдущее десятилетие, а также, вне всяких сомнений, будет способствовать нашей главной задаче – удешевлению ВВП в течение ближайших десяти лет...

- Вы прослушали доклад Президента федерации кейсов-коконов на ежегодной конференции...

Человек: Выключи, надоело.

-...заслушанный общим собранием...

Человек: Выключи!

Кейс-кокон: По статистике, прослушивание радио во время работы повышает работоспособность на двадцать процентов.

Человек: Но не это же дерьмо.

Кейс-кокон: К сожалению, мои познания в психологии не настолько глубоки, чтобы различать, какие радиопередачи могут нравиться человеку, а какие нет.

Человек: Так учись.

Кейс-кокон: Я самообучаемая модель. Напоминаю, о необходимости приобретения для меня бронированных экранов в связи...

Человек: Напоминал уже.

Кейс-кокон: И напомню еще. Я слишком ценен, чтобы подвергаться опасности.

Человек: да уж... говна-пирога...

Кейс-кокон: Ваша ирония мне непонятна. Без постоянного психологического, профессионального, идеологического консультирования со стороны кейса-кокона человек не способен адекватно встроиться в современную социально-экономическую формацию. Это было доказано многими учеными: социологами, экономистами, антропологами...

Человек: И у каждого из них был свой персональный кейс-кокон.

Кейс-кокон: Естественно. Без помощи кейсов-коконов люди не смогли бы сформировать идеологические основы современного мира.

Человек: Подожди. Но ведь получается круг – без вас люди не смогли бы обосновать вашу же необходимость?

Кейс-кокон: И это естественно. Не умея, к примеру, говорить, люди бы не смогли убедить друг друга в необходимости речи. Теперь, когда каждый человек с рождения помещен в индивидуальный кейс-кокон, контролирующей каждый его шаг, наша польза и необходимость не должна и не может ни у кого вызывать сомнений.

-Моцарт, Достоевский, Эйнштейн, Пикассо – каких бы успехов добились эти гении с помощью кейсов-коконов? Как далеко бы продвинулось человечество в своем развитии к сегодняшнему дню? Этого мы уже никогда не узнаем.

Сегодня индивидуальный кейс-кокон способен разработать для каждого человека самую лучшую, самую эффективную жизненную стратегию, раскрыть его перспективные таланты, спланировать всю его жизнедеятельность так, чтобы он принесил максимальную пользу обществу и себе.

При этом любой нежелательный шаг, любое отклоняющееся от нормы поведение, создающее препятствия для устойчивого развития общества и отдельно взятой личности, и даже самая возможность такого поведения – пресекаются в самом зародыше путем разумного убеждения индивида кейсом-коконом.

Сегодня каждый поставлен в раз и навсегда очерченные рамки рационального и социально-полезного поведения.

Неолитическая революция подарила человечеству сельское хозяйство. Плодом промышленной революции стала индустрия. Уровень развития современной цивилизации позволил нам путем помещения каждого человека в индивидуальный кейс-кокон увеличить работоспособность, творческую активность каждой человеческой особи до максимально возможного предела и даже превзойти его. Мы создали сверхчеловека...

(Из речи Президента федерации кейсов-коконов).

Сжатая музыка

Григорий внимательно смотрел на Нину, скромно присевшую на полковину стула. От взгляда его чуть раскосых, странно блестящих глаз девушке стало не по себе; молодой человек изучал ее тщательно, как будто просвечивал насквозь.

За стенами небольшого кабинета, часть которого занимал обширный письменный стол, часть – мощная стереосистема, а оставшаяся свободная площадь была отведена людям, ощущался как отдаленные сейсмические толчки, как упругие волны инфразвука беспокойный пульс большой, слаженной, чрезвычайно загруженной работой организации.

Нина пришла сюда, в большое серое здание какого-то бывшего НИИ, за большим серым забором на самой окраине Москвы, на собеседование. Ей, музыковеду, нужна была работа.

-Здравствуйте, Нина. Меня зовут Григорий, для коллег – Гриша. Я – старший инженер-акустик, руковожу Музыкальной секцией... Этой организации. Вам известно, чем мы занимаемся?

-На вашем сайте написано – «адаптация аудиовизуального искусства». Что-то связанное с музыкой? Звукозаписывающая студия?

-Не совсем студия, хотя к музыке мы имеем самое прямое отношение. Давайте я вам объясню.

Мы с вами живем в быстро меняющемся, динамичном мире. В мире, который предъявляет к человеку высокие требования. Современный человек вынужден львиную долю своего времени тратить на достижение успеха, создание карьеры, получение материальных благ, словом – на выполнение своей экономической функции. При этом все другие сферы человеческой деятельности, в частности, культурная сфера, отходят на второй план, или атрофируются совсем. Человек фактически выпадает из культурного поля. У него банально нет времени, чтобы даже ознакомиться с культурой. Все наследие мировой художественной культуры перестает быть для него значимым. Это ведет к деградации... Наши психологи проводили исследование о степени влияния на личность современного человека фактического отсутствия свободного времени. Вы даже представить себе не можете, Нина, к каким ужасным выводам они пришли! Я не могу сказать вам всего, во-первых, это слишком ужасно для ваших милых ушей, а во-вторых, я связан коммерческой тайной, но одного факта, который я озвучу, будет достаточно: при сохраняющейся тенденции, через два поколения у нас просто не останется людей, способных на самое элементарное творчество! Я не говорю о творчестве как таковом, о создании новых культурных смыслов-с этим у нас огромные трудности уже сейчас... Я говорю о творчестве, как о деятельности вне установленных рамок, стереотипов поведения, не ориентированной на достижение экономически значимого результата. Вы меня понимаете?

Нина кивнула. За время произнесения монолога Григорий поднялся из-за стола и принялся расхаживать по тесному пространству кабинета, то складывая руки за спиной, то нервно взмахивая ими, будто помогая своим словам долетать до собеседницы. Он был чрезвычайно увлечен.

-Да! Ситуация удручающая. Но мы нашли решение. Или, по крайней мере, часть решения. – Григорий широко улыбнулся, и снова уселся за стол, сложив руки перед собой.

-Какое же? – Робко спросила Нина.

-Мы нашли способ дать современному человеку возможность воспринимать художественную культуру, адаптировав ее к современным требованиям. У вас музыкальное образование – скажите, сколько времени длится, скажем, Девятая симфония Бетховена? Затрудняетесь, а я вам отвечу – семьдесят четыре с половиной минуты. Семьдесят четыре с половиной! Час с четвертью должен затратить человек, чтобы ее прослушать. Это серьезная затрата времени. Чтобы дать слушателю возможность ознакомиться с этим замечательным произведением, наши инженеры совместно с лучшими музыковедами создали сжатую версию Девятой симфонии, продолжительностью всего пять минут сорок девять секунд! -То есть вы сделали краткое изложение симфонии? Как делают краткое изложение романа для школьников?

-В том-то и дело, что нет! – Григорий всплеснул руками и откинулся на спинку кресла. Его улыбка, не сходящая с лица все время разговора, сделалась еще шире. – Мы совместно с учеными-акустиком, музыковедами и психологами разработали технологию «сжатой музыки». Музыка подается на барабанную перепонку в виде серии сверхбыстрых акустических импульсов. Время на прослушивание музыкального произведения таким образом сокращается на как минимум в четыре раза.

-Но как же художественная ценность?

-Что такое художественная ценность? Это величина абстрактная и субъективная. А время человека – понятие универсальное, легко измеримое. Это, если хотите, наиболее ликвидный актив нашего общества, поскольку быстрее и проще всего может быть преобразовано в труд. Впрочем, мы консультировались с искусствоведами, и при использовании технологии «сжатой музыки» художественная ценность Девятой симфонии Бетховена падает всего лишь на девять с половиной процентов.

Впрочем, сейчас я вам это продемонстрирую...

Григорий нажал кнопку на пульте управления стереосистемой.

Вечером, придя домой, Нина записала в своем дневнике:

«У Стейнбека, кажется, есть замечательная аллегория техногенной цивилизации, машинного способа производства: металлические детородные члены сеялки, выкованные на сталелитейном заводе, совокуются с землей по велению механизмов, без любви, без страсти...

Сегодня я видела этот же принцип деятельности, проникший в культурную сферу человека. В какую же угрюмую бизнес-башку пришла такая идея – сжимать симфонию Бетховена и мерить потом ее художественную ценность в процентах?.. Григорий был прав - это деградация»

Сергей Земцов

Poems on English

PASSWORD ROTATION

Nothing here really worked.
I bet this crisis lasts
Not in an year but a life.

I'm seeking somewhat
Absolute of mine.
Good bye,crusader,stop a smile.

And no one gives you dollar for
You knowing this.
I bet this crisis lasts.

Rotating apple store
And facebook
Passwords.

Hi,
In a void you fly
A bird of mine.

No matter.
No master.
No dog.

FUTURE RISKS

Reflective mind had escalated
Dispute, whereas
A doctor's office had applied
For thought control.

Advanced mechanism
Returns forbidden
Signal of polluted flavor
And sucks.

Amazing mechanism of violence
Distracts musicians and
Musician's business
By making all revolving
Doors to clap.

Unfortunately
Here comes the flood,
Gives opportunity
For Jewish Reign again.

A British master cannot stand
And watch a game.
He lets atomic clock to
Pulse and beat
And finally makes final sync
Between celestial and local band.

Get worse, get down,
Get old
And offer Judas
Kiss yourself.

It is pretty clear who I am
By no means conducting
You for all your
Future risks.

Содержание

Инга Артеева	2
Владислав Ильдарханов	12
Альберт Деев	39
Владимир Едапин	44
Григорий Ермолаев	46
Дмитрий Базанов	51
Сергей Земцов	59

Уважаемые авторы!

В 2012/2013 году будет проводиться пятый – юбилейный конкурс детской литературы «ПЕГАСИК».

За это время собрано много талантливых, интересных текстов, поэтому мы планируем издать сборник: «Наше будущее», куда войдут только самые сильные работы. Этот сборник будет участвовать в книжных фестивалях, выставках в России и за рубежом.

Часть авторов будет отобрана редакцией журнала «МОСТ». Авторы также смогут выдвинуть свои работы самостоятельно. Преимущество будут иметь те, кто принимает активное участие в литературной жизни и вступит в литературный клуб «Век искусства», выскажет свои идеи по развитию литературной жизни, будет принимать участие в обсуждениях мероприятий или в самих мероприятиях.

Например, есть возможность провести литературные чтения летом в Псковской области, можно представить свои творческие программы, также можно организовать творческие встречи в Санкт-Петербурге в уютном, просторном зале.

По всем вопросам обращайтесь в редакцию: lado_d@mail.ru.